

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Russian-Armenian (Slavic) State University
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences

**CURRENT ISSUES OF MODERN
SOCIO-POLITICAL PHENOMENA:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL
AND APPLIED ASPECTS**

Materials of the III international scientific conference
on March 13–14, 2015

Prague
2015

Current issues of modern socio-political phenomena: theoretical and methodological and applied aspects: materials of the III international scientific conference on March 13–14, 2015. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – 98 p.
ISBN 978-80-7526-005-5

ORGANISING COMMITTEE:

Ilna G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

Asya S. Berberyan, doctor of psychological sciences, professor, head of the psychology department in the Russian-Armenian (Slavonic) State University.

Miroslav Sapik, PhD, the associate professor, prorector of Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences.

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Armen R. Darbinyan, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, doctor of economic sciences, professor of RAU, full member of the Russian Academy of natural sciences, rector of the Russian-Armenian (Slavonic) University.

Parkev S. Avetisyan, doctor of philosophy, professor, candidate of physical and mathematical sciences, full member of the Russian Academy of Pedagogic and Social Sciences, pro-rector for Academic Affairs in the Russian-Armenian (Slavonic) University.

Suren G. Oganesyán, doctor of philosophy, professor, dean of the faculty of social and political sciences in the Russian-Armenian (Slavonic) State University.

Ashot P. Yengoyan, doctor of political sciences, head of theory and history of political science department in the Yerevan State University.

Bozhena Ivanovska, doctor of arts in the field of social science in the Institute of philosophy and sociology of Polish Academy of Sciences.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines the problematic of modern socio-political phenomena. Some articles deal with questions of Society and government as objects of socio-humanitarian analysis. A number of articles are covered with problems of Socio-psychological characteristics of political leadership. Some articles are devoted to effective political communication.

UDC 32

ISBN 978-80-7526-005-5

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2015.

© Group of authors, 2015.

CONTENTS

I. SOCIETY AND GOVERNMENT AS OBJECTS OF SOCIO-HUMANITARIAN ANALYSIS

Аббаси Т.

Идеологические основы хуруфитского учения Фазлуллаха Наими.....6

Авцинова Г. И., Воронина Е. Ю.

Парадигмальные основы анализа политического радикализма9

Аракчеева М. Б.

К вопросу о природе социального механизма
государственной власти.....14

Belyaeva V. P., Gudoshnikova O. E.

State brand as a factor of consolidating society: some aspects.....16

Гришин О. Е.

Политическая система как объект системного анализа:
некоторые аспекты.....21

Киселева М. А.

Теоретическое обоснование опросника «Степень выраженности
прокрастинации» (СВП)23

Розанова Н. Н.

Категориальное единство в понимании репутации власти основными
субъектами ее формирования (на уровне региона)28

II. SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF POLITICAL LEADERSHIP

Бикбаева Э. В.

Формирование эффективного имиджа политического лидера.....34

Карнаух Л. А.

Технологические аспекты образовательного процесса:
терминологический анализ36

Покатов Д. В.

Модели имиджа отечественных политиков: опыт социологической
реконструкции40

Сорвина М. Ю.

Образ лидера в проблемном регионе:

политическая активность и инфантилизм власти..... 45

III. MODELS AND TECHNOLOGIES OF EFFECTIVE POLITICAL COMMUNICATION

Гудошникова О. Е.

Интернет как инструмент демократизации современного общества..... 50

Иглин Д. А.

Видеоигры как технология политической коммуникации 52

Mamedova N. A., Baykova A. N.

Analysis of the practical functioning of the project

«Russian public initiative»..... 55

IV. SOCIAL AND POLITICAL ASPECTS OF INTERETHNIC, RELIGIOUS AND REGIONAL RELATIONS

Бормотова Т. М.

Миграция в контексте глобальных демографических и социальных
процессов 60

Лыткина К. А.

Особенности электоральной культуры населения города Москвы:
опыт эмпирического анализа 62

Маклашова Е. Г.

Арктика социальная: к проблеме функционирования языка и традиций
в молодежной среде..... 69

Саетгалиева Ф. Ф.

Российское массовое сознание: авторитарные
и консервативные тенденции 73

Сараева А. Е.

Влияние политической и социальной глобализации на развитие
Республики Корея..... 75

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана,
Узбекистана и Чехии на базе НИЦ «Социосфера»

в 2015 году 80

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Kazakhstan, Uzbekistan and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2015	84
Информация о журналах «Социосфера» и «Paradigmata poznání»	88
Information about the journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání».....	91
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	96
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	97

I. SOCIETY AND GOVERNMENT AS OBJECTS OF SOCIO-HUMANITARIAN ANALYSIS

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ХУРУФИТСКОГО УЧЕНИЯ ФАЗЛУЛЛАХА НАИМИ

Т. Аббаси

*Диссертант,
Институт философии и права
НАН Азербайджана,
г. Баку, Азербайджан*

Summary. Fezlullah Neimi is the founder of the hurufizm belief and the most giant scientist, poet and is one of philosophical of Azerbaijan. They have built the hurufizm philosophical bases in the on absolute letters. It began to arise with spread(roll) of the word of creation (kon), Arabic word (be). These the number of the voices(sounds), 28 and they are 32 pieces. Number of they are the some and equal with letters of 32 alphabets. This in the basic of the directions, he is the most important absolute man which has arisen after letters.

Keywords: Fazlullah Naimi; Hurufi sector; ideology Hurufism.

Фазлуллах Ибн Али Мухаммед Тавризи Астрабади Наими является одним из известных философов и поэтом Азербайджана, а также основателем хуруфитского движения. Во многих древних источниках он упоминается как Абдурахман Джалаладдин, Шахабаддин, Шамсаддин и Фазлуллах. В хуруфитских текстах его имя писалось с заглавной буквы Ф. Наими. По мнению одного из последователей хуруфитского движения Камаладдина Тайтага, Фазлуллах в своем произведении «Джавидан-наме» («Вечность») называет себя Мовлане Ф. [14; 15]. В одной древней рукописи Ибн Аль-Хаджар Азгелани (1372–1449) «Анба ал-Гумр бабиа ал-омр» («Полное учение о сыновьях жизни») свидетельствует, что имя великого философа было указано как Фазлуллах (1.71). Шамсаддин Сохаби (861–902 гг.) отмечал, что его зовут Абдурахманом по прозвищу Абулфази, а также, что этот крупнейший ученый был известен под именем Сеид Фазлуллах Халалхором [17]. На самом деле его звали Фазлуллах бин-Абу Мухаммед Абдурахман Джалаладдин Наими Тавризи. Казнен он был в 796 году (1401) сыном Миран-шаха Теймуром в крепости Алиндж-гала в Нахичевани.

Одним из известнейших произведений Фазлуллаха Наими является «Джавидан-наме» («Вечность») или же «Джавидан-наме-йе Кабир» («Великая вечность»). Философ в этом произведении ссылается на Коран с точки зрения хуруфитского движения. Следующее произведение Наими под названием «Арш-наме» состоит из 1120 бейтов и написано в форме месневи. Третьим произведением является «Новхнаме» («Сыны»). Во всех

своих трудах ученый опирается на Коран с точки зрения хуруфитского движения. В другом произведении философа «Диван» собраны все его стихотворения под псевдонимом Наими.

Хуруфитская идеология развивается в двух течениях. Первое, как религиозное учение. Оно отражено в «Джавидан-наме», «Арш-наме» и «Мохавватнаме». Второе течение – это политико-правовые и философские взгляды хуруфитского движения.

Хуруфитское движение аргументировало свои философские идеи посредством букв и слов. Вселенная возникла от производного слова «Коун» (быть), т. е. когда господь-бог сотворил вселенную он произнес слово «коун» (быть) (3.445). Тайны сотворения мира скрываются в этом слове. Число этих звуков 32 и обозначено 32 буквами персидского алфавита. Эти буквы являются основой вселенной и существа. Эти звуки – одушевленные и неодушевленные существа и когда они касаются друг друга, то образуются эти слоги. Только человеку дано право, среди живых существ, произносить эти звуки. Фазлуллах Наими в своем философском учении изучает 28 букв Корана и 32 буквы персидского языка.

В основе этого философского направления главную роль играют буквы, а затем человек [7, с. 145]. Человек является основой сущности, последователем господина-бога. По сути, никому из ангелов господина не даны способности произносить эти 32 буквы. Только человек может распознавать их сущности, секреты и символы. Последователи хуруфитского движения именуют себя дервишами – ахле хаггом (сторонник истины), арбади-эшг (обладателями любви), ахле-вахдатами (сторонниками единства), они считают, что некоторые аяты и хадисы Корана, берут истоки от хуруфизма. Основой существ, которые образовались от слова (коун) «быть» со стороны бога является слово «келам» (буквы и слово) Новхнаме, CD29854 [4, с. 155].

По 157 аяту девятой суры Корана пророк Мухаммед был всенародным, но он не мог читать и писать. Пророки, через которых были посланы Тورات и Библия, тоже были всенародными, но и они не могли читать и писать [3, с. 170].

Следует отметить, что всенародность пророков, по мнению хуруфитского движения является всесторонностью пророков. Это значит, что их понимают все народы мира и они знают все. Пророки видели все черты на лице Адама и Евы и получили общечеловеческое образование.

Хуруфитское движение основывалось на 32 буквах сущности творца, т.е. он один всемогущий и его сущность познается 32 буквами. Все существа зависят от воли бога и атрибутов букв. Следуя идеям хуруфитского течения, кто познает бога, тот познает и совершенного человека, сознавая самого себя как существо. А существо – это воплощение бога (Джавидан-е Сагир, CD [16], [6, с. 198]. Таким образом, последователи хуруфитского

движения придерживались такого мнения, что все существа созданы творцом, т.е. богом (Новхнаме, CD 29867), [6 с. 199].

По 159 аяту 9 суры Корана пророк Мухаммед был рожден грамотным, но не умел читать и писать. Как и прежние пророки, он был рожден совершенным.

Таким образом, защита прав человека в хуруфитском движении является основным принципом этого учения. Согласно этому учению, каждый знаток и последователь Корана, согласно 28 буквам Корана и 32 буквам персидского алфавита должны признавать свои права.

Хуруфитское учение очень серьезно относится к общественно-политическим правам совершенного человека, потому что эти права являются его природными правами. Одним словом, совершенный человек в своей жизни должен бороться за восстановление своих прав, что противоречило в то время властям исламской идеологии. Этот факт являлся основной причиной гонения и гибелью не только лидеров хуруфитского движения, но и его последователей.

Последователи хуруфитского движения вооруженные его учениями должны бороться не только за свои права, но и за восстановление прав всех мусульман и внедрение исламских канонов. Поэтому, каждый верующий мусульманин должен очнуться, осознать самого себя и свои общественно-политические права, должны возвещать к творцу и осмыслить специфику своей миссии [2, с. 67].

Библиографический список

1. Pəndəri Y.C. İ. Nəsiminin həyatı və yaradıcılığı. II nəşr. – Tehran : Ney Nəşriyyatı, 1993. – 436 s.
2. Babayev Y. Təriqət Ədəbiyyatı: Sufizm, Hürufizm. – Bakı : «Nurlan», 2007. – 132 s.
3. Bünyadov Z.M., Məmmədəliyev V.M. (tərcüməçilər). Qurani-kərim. XII-ci nəşr. – Bakı : (Şərq-Qərb) Nəşriyyat evi, 2011. – 1304 s.
4. Fəteh. Eslo-er. Hürufiyyə. Tərcüməçi: D. Vəfai. – Tehran : Mövla Nəşriyyatı, 1993, 550 s.
5. Nəsimi İ. Seçilmiş əsərləri. Tərtib edən: Arasli .H.. – Bakı : Azərnəşr, 1973.
6. R. İsmayılzadə. Qurani-Kərim. Azərbaycan Türkçəsi ilə tərcüməsi. – Qum, 1999. – 605 s.
7. Azhənd Y. Hürufiyyə tarixi. Nəy Nəşriyyatı, I nəşr. 1990. – 194 s.

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАДИКАЛИЗМА

Г. И. Авцинова

*Доктор философских наук, профессор,
Российский государственный
социальный университет,*

Е. Ю. Воронина

*кандидат политических наук, аналитик,
Компания «М-13», г. Москва, Россия*

Summary. The article notes that the theoretical and methodological tools of modern political science are diverse, full of different concepts. There is a rich arsenal of analytical strategies that can be used for solving problems in the study. In the context of political radicalism authors focuses on the institutional, functional, legal, sociocultural and modernist paradigms.

Keywords: political radicalism; institutional; functional; legal; sociocultural and modernist paradigms.

В современных условиях исследование таких понятий, как «радикализм», «экстремизм», «терроризм», «цветная революция» приобретает особую значимость. Современный тренд внутренней и внешней политики многих государств – радикализация содержания, форм, методов функционирования властных институтов, коммуницирования власти и гражданского общества, протестных акций оппозиции, межгосударственных и межличностных отношений. Сегодня радикализм все активнее проявляется в политической жизни европейских стран и США, которые до недавнего времени оценивались аналитиками и общественным мнением как благополучные, стабильные, благоприятные для жизни регионы. По данным Федерального бюро расследований, представители террористической группировки «Исламское государство» действуют на территории всех 50 штатов США [6]. Недавно было проведено исследование с целью выявления, какой поддержкой ИГИЛ пользуется в крупнейших странах Европы. Например, во Франции этот показатель составил пятнадцать процентов [5]. Сложность и противоречивость развития современного мира в условиях глобализации, появления новых центров силы и влияния, обострения борьбы за ресурсы объективно интенсифицируют радикальные настроения, лозунги, программы, действия. Нарастание ценностного конфликта между сторонниками сохранения национального суверенитета, национальной идентичности и культуры и сторонниками наднациональных структур, активизация центробежных тенденций, внутригосударственная регионализация многих стран, отсутствие адекватных механизмов преодоления новых цивилизационных вызовов интенсифицировали конфронтацию группировок во властвующих элитах, обусловили жесткое противостояние

властных структур и оппозиции внутри многих отдельных государств и между ними.

Сегодня радикализм оказывает мощное воздействие на функционирование всех сфер жизнедеятельности общества, менталитет, чувства, умонастроения, модели поведения политических лидеров и граждан многих стран. Он проявляется в различных формах на уровне социально-политических слоев, элиты и контрэлиты, властвующих и оппозиционных групп, обуславливая осевую линию политического поведения субъектов. В условиях нестабильности, финансово-экономического кризиса, резкого снижения уровня жизни широких социальных слоев, кардинальной модификации каналов артикулирования и агрегирования их интересов, не совпадающих, а порой и диаметрально противоположных подходов к оценке тех или иных событий, явлений, процессов в обществе сохраняются причины, стимулирующие радикально-экстремистские настроения и действия, нелегитимные формы политического участия. С другой стороны радикализм – явление многогранное. Без решительных, радикальных мер в решении конкретных экономических и социально-политических задач на уровне отдельных государств и мирового сообщества в целом невозможно преодолеть кризисы, выйти на новые рубежи развития. В ближайшее время радикализм правого или левого толка в виде прихода к власти политических партий и лидеров с соответствующими программными установками и ценностными ориентациями станет заметным трендом политической жизни многих государств. Потребности политической практики обуславливают необходимость анализа теоретических подходов к определению сущности политического радикализма, особенностей и форм его проявлений в современном политическом пространстве.

Политическая наука располагает богатым арсеналом аналитических стратегий, которые могут быть использованы для исследования радикализма. На наш взгляд, необходимо сфокусировать внимание на институциональной, функциональной, правовой, модернистской и социокультурной парадигмах. Институциональная парадигма, возникшая в Западной Европе в конце XIX века, позволяет проанализировать деятельность властных структур, политических институтов в контексте той или иной эпохи, конкретных событий, исторических фактов, ориентируя в первую очередь на формально-правовые аспекты явлений и процессов. С помощью институциональной теории можно проследить историю становления, процесс развития радикальных политических партий, организаций, движений, выявить причины их возникновения. Институционализм учитывает функционирование радикальных структур в рамках политической системы или за ее пределами, влияние данных структур на политические трансформации в обществе, а также их адаптацию к установленным нормативным требованиям в том или ином государстве. Применение данного метода позволяет исследователю определить место и роль тех или иных радикальных орга-

низаций, структур, партий в политической жизни государств, а также специфику конкретной организации в ряду других радикальных организаций. Исследователю важно сфокусировать внимание на том, находится ли радикализм в данный временной период на авансцене или на периферии политических отношений.

При функциональном подходе к анализу политического радикализма необходимо учитывать не столько противоречия политического процесса, специфику формирования и функционирования тех или иных политических институтов, блоков, союзов, ассоциаций, сколько важность, значимость функций, которые они выполняют в политической системе в целом, их роль в активизации политического участия акторов в частности. Применение функционального подхода к анализируемому феномену позволяет выделить негативные и позитивные аспекты функционирования политического радикализма как феномена. Радикализм может использоваться для проведения радикальных реформ в интересах большинства, он может быть средством скорейшего решения злободневных, назревших социальных проблем, его сторонники ориентированы на быстрый результат и темп перемен. Радикальные лозунги и призывы выполняют мобилизационную функцию. Для представителей властвующей элиты радикализм выполняет своеобразную сигнально-информационную функцию. Активизация радикальных настроений и действий является для представителей власти определенным сигналом, свидетельствующим о степени общественного неблагополучия, недовольства властью и ее решениями, обострении социально-политической ситуации и необходимости принятия кардинальных решений по назревшим проблемам. Проявляясь в идеях, ценностных ориентациях, формах коммуницирования, в том числе диалога власти и общества, в умеренной дозировке радикализм служит средством «разрядки социальной напряженности» путем выхода накопившегося недовольства, позиционирования интересов тех слоев и групп, интересы которые не были учтены. В этом контексте радикализм является средством давления на представителей власти для корректировки политического курса, стимулирования политических изменений и инноваций.

Правовая парадигма необходима для подтверждения того, что крайние проявления радикализма (экстремизм, терроризм, революционаризм) – негативные явления, носители и представители которых ведут противозаконную, деструктивную деятельность.

Социокультурная парадигма позволяет выявить корреляции между степенью проявлений радикалистских настроений и действий и социокультурными компонентами (менталитет, национальный характер, ценностные ориентации), которые напрямую влияет на способы коммуницирования власти и граждан, властвующих и оппозиционных групп. Социокультурный компонент опосредует отношения различных социальных групп, способы и методы их деятельности, культивирует политические традиции, по-

ощряет к следованию определенным нормам политического поведения. Социокультурные качества и ценностные ориентации акторов политики в значительной степени обуславливают жизнеспособность любого политического режима. Как определенный способ видения картины мира и ориентации в нем, любая культура задает стратегию развития общества, смысл его существования, устои жизнедеятельности, образцы общения, стандарты поведения, типовые реакции и т.д. Но компаративный анализ культур недопустим на основе дихотомий «выше-ниже», «хуже-лучше», «развита-не развита»¹ [1, 2, 3, 4].

Модернистская парадигма в изучении функционирования политического радикализма ориентирует исследователя на анализ прав, свобод человека, роли рационализма в политической жизни, процессе принятия политических решений, презентации политическими субъектами своих интересов и предпочтений, в их взаимодействии с властью и т.д. Она создает своеобразную перспективу видения общества, ориентированную главным образом на настоящее и будущее и снижающую значимость прошлого для формулирования общественного проекта [7]. Феномен модернизма является не столько продуктом исторического процесса, сколько отражением и воплощением передовой идеи, которую «самостоятельно национальная история ни породить, ни реализовать не в состоянии» (А.С.Панарин). Радикализм как идейно-политическое течение возник в эпоху модерна в Европе, и, как правило, был связан с борьбой народов за права, свободы и социальную справедливость. Нарастало недовольство существующим общественным строем, были остры и очевидны социальные противоречия. Авангардистская интеллигенция требовала коренного, радикального изменения общественного устройства: ограничения королевской власти, введения всеобщего избирательного права, демократизации, равенства всех перед законом и судом. Концептуальным выражением политического радикализма стали теории естественного права и общественного договора, которые являлись классическим воплощением иного мировоззрения, и в Новое время получили широкое распространение в обществе. Эти теории были основаны на рационализме как оценке общественных отношений с позиций «здравого смысла». Эпоха Просвещения стимулировала новые общественные вызовы, трансформацию общественного сознания и бытия, борьбу против монархических режимов, экспансию индивидуализма, что

¹ Социокультурный контекст позволяет, например, объяснить истоки популярности и живучести политического радикализма в России, он представлен в работах многих русских мыслителей (Н. Бердяев, С. Булгаков, Ф. Достоевский, И. Ильин, К. Кавелин, Б. Кистяковский, И. Киреевский, Л. Карсавин, Н. Лосский, С. Франк, П. Чаадаев и др.). При этом речь не идет о том, что какая-то культура хуже или менее развита по сравнению с другими. Политический радикализм как одна из социокультурных традиций России проанализирован в работах Авциновой Г. И.

способствовало формированию радикального мышления, ориентированного на коренное изменение существующих общественно-политических устоев, ускоренное решение тех или иных проблем, максимализм, нигилизм, революционаризм. В эпоху модерна появляются национальные государства, актуализируется потребность в национальной идее и идеологии, которые при определенных условиях могут наполняться радикальным содержанием и лозунгами. Активизируются такие разновидности радикализма, как фашизм, расизм, тоталитаризм. Превалирование принципа обоснования превосходства и исключительности одной господствующей нации по расовому признаку, нетерпимость и дискриминация по отношению к другим «чужеродным», «враждебным» нациям и национальным меньшинствам являются факторами, стимулирующими радикализм.

Каждая из возможных парадигм исследования политического радикализма как феномена, аккумулируя знания отдельных аспектов этого явления, имеет определенную ценность, позволяет сфокусировать внимание на конкретных гранях его проявления. Вместе с тем указанные и иные парадигмы анализа политического радикализма не исключают, а дополняют друг друга, поэтому наиболее предпочтительным является комплексный подход к исследованию столь многогранного и противоречивого феномена.

Библиографический список

1. Авцинова Г. И. Политический радикализм в России: социокультурный аспект. – Киев, 1995.
2. Авцинова Г. И. Революционер в России: история и теория. – Киев, 1995.
3. Авцинова Г. И. Политический радикализм в России: концептуальные подходы к понятию и пути нейтрализации // Вестник МГУ. – Серия 12. – Политические науки, – 1995, – № 3, 4.
4. Авцинова Г. И. Политический радикализм как одна из российских традиций // Власть, – 1996, – № 3.
5. «Исламское государство» набирает популярность в Европе URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1418296/> (дата обращения 03.03.2015)
6. ФБР: «Исламское государство» вербует сторонников во всех штатах США URL: <http://ria.ru/world/20150226/1049817542.html#ixzz3TNiURv2s> (дата обращения 03.03.2015)
7. Федорова М.М. Модернизм и антимодернизм во французской политической мысли XIX века. – М., 1997.

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ СОЦИАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

М. Б. Аракчеева

*Кандидат философских наук, доцент,
Саратовского государственного
Университета им. Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия*

Summary. The article discusses the concept of social mechanism, social mechanism features of State power are being characterized. Some Items and the structure of the system of social mechanism of power are being defined.

Keywords: power; state power; social mechanism; structure of social mechanism.

Актуальность проблематики социального механизма государственной власти возрастает по мере демократизации общества. На современном этапе вопрос о государственной власти становится вопросом о реальных перспективах организации власти как целостной системы, о создании эффективного механизма социального управления, обеспечивающего не только преодоление и выход общества из кризиса, но его стабильное и прогрессивное функционирование.

Социальный механизм формируется под воздействием потребностей общества. Последние являются глубинной причиной и побудителем возникновения социальных механизмов, способных удовлетворять их. Таким образом, социальные механизмы возникают как «ответы» на определенные общественные потребности, как средства, способы их удовлетворения.

Понятие «социальный механизм» давно используется в социологической, философской, экономической литературе применительно к характеристике различных социальных процессов, происходящих в обществе. Данный термин применяется и при анализе процессов, идущих в политической сфере. В настоящее время крайне важно рассмотреть содержание социального механизма применительно к процессам властвования в современных условиях.

В работах, посвященных анализу социального механизма, особое внимание уделяется взаимодействию, взаимоотношениям его элементов. К элементам социального механизма власти относятся все те социальные явления и процессы, единство и взаимодействие которых делают его целостной, относительно замкнутой управляющей системой и придают ему своеобразный – социальный – характер. К числу элементов механизма власти можно отнести политические интересы, политическую культуру, социальные отношения, политическую активность, определенный политический порядок.

В единый узел оказываются связанными весь спектр взаимоотношений индивидов и общества по поводу реализации власти и управления,

государственные и негосударственные организации и объединения, правовые и социальные нормы. Все они находятся в тесной взаимозависимости и динамике, причем главным выступает соотношение государственных и негосударственных начал в реализации функций власти, процесса обратного «поглощения власти» обществом.

Каждый из перечисленных элементов, взятый вне связи с другими элементами, «не работает» и фактически теряет социальный смысл. А в единстве, во взаимодействии они образуют новое качество – инструмент социального управления, который возможен лишь как система всех перечисленных элементов, подчиненных целому, но каждый из них служит по-своему, отвечая преимущественно за определенные черты, свойства целого. Жизнеспособность целого зависит от того, насколько полно распределены функции всех его элементов.

Структура системы механизма власти как единство и взаимодействие функциональных, координационных и субординационных связей между его элементами придает качественную определенность данному механизму. При этом структура подвижна. Функционирование механизма власти – это процесс, а его структура – организация данного процесса во времени [1, с. 210–212].

Качественно своеобразным видам отношений общества, индивидов, власти соответствуют разновидности социального механизма власти. Правоммерно вести речь не только о социальном механизме государственной власти в целом, но и о социальных механизмах различных ее ветвей – законодательной исполнительной, судебной. Есть определенный смысл говорить о социальном механизме функционирования федеральной власти и о социальном механизме местного самоуправления.

Эти типы социального механизма различаются характером взаимоотношений, объемом деятельности, характером воздействия друг на друга, формами и методами управленческих действий. В то же время эти типы социального механизма объединены общим, а именно тем, что народ осуществляет свою власть непосредственно, через государственные и негосударственные организации, полнота его власти в обществе – это принадлежность народу всей власти в обществе и государстве, то есть власти социальной, имеющей политический характер. Но государство приобрело самодовлеющий характер, и общество с помощью социального механизма стремится поставить государство на службу обществу.

Итак, в условиях действительно демократического государства социальный механизм власти понимается в том смысле, что главным источником власти становятся интересы и потребности народа, его политическая воля. Знание социального механизма власти позволит найти конкретные пути повышения надежности целого ряда его элементов и, следовательно, повышения эффективности функционирования власти в целом, определения перспектив ее развития и совершенствования.

Библиографический список

1. Аракчеева М. Б. Концептуализация социального механизма государственной власти // Некоторые проблемы социально-политического развития современного российского общества / под ред. Г. В. Дыльнова. – Саратов, 2006. – Вып. 13.

STATE BRAND AS A FACTOR OF CONSOLIDATING SOCIETY: SOME ASPECTS

V. P. Belyaeva

*Head of department, School № 97
O.E. Gudoshnikova graduate student,
Russian State Social University
Moscow, Russia*

Summary. A state brand is important element of the reputation of the state. The basis of the state brand is an ideology of the consumption: a clear understanding of the meaning of the brand presence on the global political market, understanding generated image of the country as a prerequisite behavior of political actors. The state brand contains typically national elements.

Keywords: state brand, national motto, political symbol.

An important element of reputation and reputational capital of the state is the brand. In political theory and practice, we can see the role of brand positioning in the power of the state. For example, A. N. Vikhrov focuses on the fact that in Russia in the direction of the scientific study of brand and branding made still only the first steps [3].

Brand – is recognizer of the product among the existing on market counterparts. Main criteria – presence of obvious trappings inherent in the product, memorable and associated by consumer with a given product or service, as well as a set of functional and emotional consumer benefits (benefits), a bright personality, nature of the product, created for a specific target audience.

Brand is the intelligent part of the goods, expressed in peculiar only to this product and the name of the design and has a stable and strong positive communication with the consumer. Only under these conditions a trademark has the right to be called a brand. Resilience of brand defined caused them positive associations in most of the target market of consumers. It can be other definitions.

Branding is a technology for creating and promoting the «brand» goods – work to establish long-term preference for the product, based on the combined strong impact on consumer trademark, packaging, advertising argument, materials and activities to stimulate sales, organization and places of sales, as well as other elements and items promotional activities combined by certain idea and unified characteristic design distinguishing the goods of competitors, creating its image, emphasizing its position, distinguishing a unique selling proposition [3].

Branding as a technology of reputation capital of the state may take key place among other political technologies.

Branding – the process of brand building and management. It can include creating, enhancing, positioning, identification, aggregation, repositioning, renovation and change of stage of development of the brand, its expansion and deepening. Degree of brand awareness is one of the most popular and affordable methods for the study of the brand.

Usually it is defined as the percentage of the target audience, who can remember this brand, as well – it is a widely used method for measuring the effectiveness of marketing communications. Branding is the science and art of creating and promoting brands to form a long-term preference for them.

Globalization problem concerns to everyone. It is in focus of attention and creative pursuit of scientists, politicians and publicists. On all continents, people felt that the solution of this problem depends on their fate and future generations.

Globalization involves ensuring of international (primarily interstate) relations, the opposite of anarchy. It determines the existence of common institutions, norms and values, creating conditions for the existence, security and development of their cooperation in the international arena. Globalization is necessary to integrate countries in the economic and political aspects, strengthening their relationships and interactions. The creation of the world's communication systems is very important.

In a globalizing world modern state acquires its reputation through targeted, massive communications, allowing forming the desired image, and then brand and reputation. Important elements of the reputation of the state are its characters, which are translated, including through technology and political communication.

Study of symbols and brands in the global context, are important to any modern state. At the turn of the century in the world there were over 20 new independent states. For them search queries national ideas, developing the foundations of society citizenship, alternative ways of development of the country, new characters and brands are relevant. For each country, are state symbols (flag, anthem) important. For example, the flag participates in the power and dignity country which it represents. Changing the flag can only happen as a result of historical accident that changes the actual situation of the country, it symbolized. Disrespect to the flag feels like disrespect for the greatness of those who think this flag as its symbol. The other example: in some European countries banned the use of the «Soviet» and «Nazi» symbols of World War II, religious symbols, state symbols of other countries, etc.

Investigation of the symbols in the global context becomes special urgency for our state. Despite the decades that have passed since the collapse of the Soviet state, the society is still in search of a paradigm corresponding to the nature and scale of the tasks set time, and symbols are the cementing element, based on which is building and strengthening the spirit of citizenship in the

State, as well as contribute to a more deep penetration in the understanding of the nature of political choice alternative development [1, c. 3].

We give a number of definitions of «symbol» and analyze their content part.

The symbol [from the Greek. symbolon] – real or a conventional sign that has a certain resemblance to the referent object. This is coded information.

Symbol is an ideological, imaginative or ideological-shaped structure, which contains guidance on certain different from it subjects, for whom it is a generalization and undeployed sign [9, c. 5].

Symbol in the broadest sense – is the image. It contains a certain sense, inseparably fused with the image, but it is not identical. In the structure of symbol substantive image and meaning emerge as the two are inextricably linked with each other pole. Symbol characterized layering of meaning. It requires active mental work of the perceiver. Symbol is a means of communication between people, designed to represent a particular object, a social community, idea, etc.

A symbol can be any term, name or image only if they have a specific added value to its usual meaning. Symbol is [6, c. 14–17].

- is a living reflection of reality;
- is subjected to one or another mental processing;
- becomes sharp instrument remaking reality itself.

Political symbol is a fast image or action. It affects primarily on people's emotions, bypassing their minds and encouraging people to take action. From the point of view of political marketing state symbol is similar to global brand, promotes not only recognition, but also the involvement of [8, c. 20–22].

State (national) symbols embedded in the regional and global communication systems. They can play as a positive (integrating) and negative (disconnected) role in the context of globalization.

Russia has a unique experience of centuries inter-civilizational dialogue, and so it can make a significant contribution to the process of building a new world order. Moreover, for its own way to development is through effective alternative civilizational project, not exclusive, but rather supports and traditional values, and patriotic feeling, and new strategies of cooperation on the international stage.

Russia needs an adequate slogan (motto), corresponding challenges. As you know, the slogan – catchy advertising sentence or phrase. Effectiveness of slogan determined by two factors: memo ability and informative weight. Effective slogan should be as informative as possible and have an impact on the consumer, using a few words. An image slogan uses a certain feature; select an object, thus promoting brand awareness. Thus, the slogan is formed part of the brand, which in brief form conveys information (advertising) message.

The national motto should be based on the idea, meaning, purpose, the motion vector, the direction of development, national values. For example, at one time N. A. Berdyaev said: «The greatness of Russia, we are least likely to

think like a claim to world domination on a worldwide earthly kingdom. We believe in the sacrificial spirit of Russia, in the light mission in the election of its ontological character of the way of righteousness [3, c. 589]. «Thus, the Russian idea is the idea of Russian national identity, values, allowing Russian identify and respect themselves, and be respected by others, other cultures. N.A. Berdyaev believed that the basis of the Russian soul is based on two opposite principles: «natural, pagan Dionysian element and ascetic monastic orthodoxy» [2, c. 44]. As an example of the latter can be distinguished famous slogan: «Orthodoxy, Autocracy, Nationality» and «For Faith, Tsar and Fatherland!».

The Soviet period brought a bright ideological (usually the party coloring) mottos, pushing the national factor: «Soviet power – the power of the people», «Better to work – it is better to live», «Our goal – communism», «Workers of the world unite!» etc.

We note that today there is no generally accepted national motto, Russia's strategic development, so it is in high demand. Various political actors trying to formulate it, and then promote, learn by heart for him.

We would like to give a number of mottos of some Russian political forces in different years, its content, claiming national slogan: «Property, stability, freedom!» (Party «Democratic Choice of Russia»); «Our strength – in truth», «Russia's salvation in the hands of the working people», «Russian Way – forward to socialism!» (CPRF); «Freedom, patriotism, law!» (Liberal Democratic Party); «Fatherland, democracy, justice, well-being» (Agrarian Party of Russia); «Forward, Russia!» (B. Fedorov); «Strong Russia – United Russia», «Unity, spirituality, patriotism!» (The party «United Russia»); «As long as we are unite, we are invincible ! « (Anarchists and movement «Antifa»); «Liberty, property, law!» (Block «Choice of Russia»); «Creative without destroying!» (Nikita Mikhailkov) [7].

Here are the mottos of other countries, which are responsible, in our opinion for some Russian concerns and questions: «Austria dies last», «Unity provides strength!» (Angola), «Remember the past, strong in the future!» (Armenia) «In Union – power!» (Bulgaria), «From sea to sea!» (Canada), «Homeland expensive heavenly kingdom!» (Nepal), «For the benefit of all!» (Nicaragua), «Everything for Norway!», «Country First!» (Saint Kitts and Nevis), «The truth will triumph!» (Slovakia), «Victory over the world!» (Sudan), «For Sweden – with the times! For Sweden – always», «All for the good of the people!» (South Korea).

At the heart of the brand is the ideology of consumption: a clear understanding of the meaning of the brand presence in the global political market, understanding created image as a prerequisite behavior of political actors. Brand in these conditions becomes a kind of system, absorbing the concepts of image and reputation. State brand, usually bears the elements of the national. So is the national motto part of the government brand.

In today's global financial crisis appear mottos responding to tactical objectives and specific socio-political issues, such as the famous «four» «And» and also containing the word «modernization», «innovation» and their derivatives [5, с. 122].

So it is conceptually, ideologically and politically necessary to modify, develop or offer new slogans voiced by different Russian political forces in different years: «Forward, Russia!», «May the all honor and glory to Russia,» «Rescue in Russia the hands of the working people,» «Russia needs a different path – the path to socialism», «Change of power – to revive Russia,» «Russia's path – forward to socialism,» «Russia is a capital of the world!» etc. In general, the national motto of the state as an element of the brand captures the strategic priorities of the country in the global political arena.

Библиографический список

1. Арзамасова А. Г. Политическая культура России в контексте формирования политических символов: автореф. дис. ... к.полит.н. – Казань, 2004.
2. Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. – М., 1990.
3. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989.
4. Вихров А. Н. Бренд в системе современного маркетинга: концептуальные основы и политическая практика: автореф. дис. ... к.полит.н. – М. : РАГС, 2005.
5. Гришин О. Е. и др. Национальный девиз как элемент государственного бренда // Технологии политической деятельности: опыт, проблемы, приоритеты : монография / под общ. ред. О. Е. Гришина, Г. И. Авциновой. – М. : РГСУ; АПКИП-ПРО, 2011.
6. Лосев А. Ф. Проблемы становления символа и реалистическое искусство. – М. : Юность, 2000.
7. Михалков Н. С. Право и Правда. Манифест Просвещенного Консерватизма. URL: www.polit.ru/kino/2010/10/26/manifest.html (дата обращения: 21.01.2015).
8. Музыкант В. Л. Реклама и PR-технологии в бизнесе, коммерции, политике. – М. : Армада-Пресс, 2001.
9. Форти С. Символы. Энциклопедия. – М. : РОСМЭН, 2005.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАК ОБЪЕКТ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

О. Е. Гришин

*Кандидат политических наук,
Российский университет
дружбы народов, г. Москва, Россия*

Summary. At present the system analysis takes one of the leading positions in scientific knowledge. The widest application it finds in the study of complex, multi-layered, self-organizing objects. System analysis examines the political system as a complete, independent, unique formation caused by the interaction with the external environment and the nature of the internal connections between the elements.

Keywords: political system; system analysis; methodology; political life; political development.

Анализ демократических систем стран, базируется на ключевых характеристиках политической системы. Системный анализ является одним из наиболее влиятельных теоретических и методологических инструментов познания в политической науке.

Разными авторами предлагается несколько десятков дефиниций «система». Анализ показал, что в целом суть сводится к тому, что система – это сложный комплекс взаимодействующих тем или иным образом элементов (компонентов системы) [3, с. 28–48].

М. Г. Анохин утверждает, что понятие политической системы имеет два взаимосвязанных аспекта: в первом – политическая система представляет собой некоторое теоретическое построение, инструмент, позволяющий выявлять и описывать системные свойства различных политических явлений. В этом случае категория является средством системного анализа политики. ... Во втором, более конкретном значении политическая система – реальный сложный механизм формирования и функционирования власти в обществе включающий различные политические акторы [1, с. 7]. Несомненно, категория «политическая система» сложна и емка. Она позволяет описывать политическую жизнь в развитии, целостности и устойчивости, акцентируя внимание на структурной, институциональной и функциональной ее сторонах [4; 5]. Политическое развитие предполагает, как правило, положительные изменения в политической жизни. Политическое развитие – возрастание способности политической системы постоянно и эффективно адаптироваться к новым образцам социальных целей и создавать новые институты, обеспечивающие каналы для диалога между государством и обществом [2, с. 82].

Системный анализ включает в себя, как правило, три различных этапа: это, прежде всего, исследование политической системы в целом, комплексно. Здесь можно говорить об анализе макросистемы. Во-вторых – системный анализ может быть сосредоточен на конкретной подсистеме в

рамках одной политической системы (например, партийные системы, государственные институты и т. п.). В-третьих – системный анализ может быть акцентирован на каком-то единственном элементе политической системы (например, специфике принятия политического решения). Так, в частности, совокупность методов принятия решений, занимает важное место в методологии современной политической науки. Она включает в себя анализ социально-политических явлений и процессов через призму центров принятия решений и их воздействия на политические объекты; процессов принятия решений, то есть в блоке причинно-следственных связей по решению политической проблемы; этапов принятия решений и их соотношения с влиянием внешней среды. Преимущество такой методологии в том, что она позволяет целостно оценивать политические явления и процессы.

Для того, чтобы постичь суть политической системы конкретной страны необходимо рассмотреть ее социальную структуру, аспекты политической жизни, главные экономические проблемы и т. п. Так, например, для системного анализа можно использовать группу социально-политических факторов (например, традицию, информирование общественности, качество функционирования политических институтов и т. п.); исследовать политические элиты и их влияние на подсистемы политической системы, и особенно на функционирование партийной системы; рассмотреть проблемы взаимодействия элементов как внутри самой системы, так и с внешним окружением и т. д. В этой связи весьма важным является анализ внутренней сферы экономических, социальных и культурных проявлений функционирования общества и внешней среды. Экономическая система определяется как тип основного производства и характера управления. Социальная система детерминирована полом, образованием, профессиональной иерархией общества. Особенности культурного контекста связаны с доминирующими идеями в обществе и системой социально-политических взглядов. Политическая система испытывает влияние также и других политических систем, находящихся во внешнем окружении. Политическая система, как правило, должна интегрироваться с окружающей ее средой через механизмы преобразования (например, правовые, социальные, идеологические, политико-технологические). Так, в частности, в реалиях современной политической системы соотношение между политическим и технологическим аспектами управления характеризуется существенной связью и взаимозависимостью. В рамках определенных границ задач политического управления является использование современных технологий эффективной политики для решения конкретных проблем.

Избирательное право также выступает регулирующим инструментом для оптимизации состояния отношений между тремя элементами политической системы: гражданским обществом, политическими партиями и государственными органами. Такой подход хорошо известен и традиционен. Политические партии выступают здесь в качестве посредников между гос-

ударством и обществом. И фокус системного анализа сосредоточен на структуре политической конкуренции политических акторов. Структура конкуренции проявляется в основном в правилах игры (поведении), принятых участниками политической системы.

Таким образом, с точки зрения системного анализа политическая система – это одна из множества систем. При анализе политической системы, при раскрытии сущности тенденций и причин ее устойчивости (неустойчивости), функций (дисфункций) важное значения приобретают инструменты, позволяющие привести ее состояние к исходному или более иному положительному качественному состоянию. Среди таких инструментов можно назвать наиболее целесообразные способы, методы и процедуры направленные на восстановление функций политической системы и достижения желаемых результатов в сфере политики.

Библиографический список

1. Анохин М.Г. Политическая система: переходные процессы. – М. : РИЦ ИСПИ РАН, 1996. – 270 с.
2. Власть. Политика. Технологии // под общ. ред. Матвеевко Ю. И., Мизулина М. Ю. – М. : ДиАр, 2002. – 296 с.
3. Карташев В.А. Система систем. Очерки общей теории и методологии. – М. : Прогресс-Академия, 1995.
4. Almond G.A. Political Development: Essays in Heuristic Theory. – Boston, 1970.
5. Easton D. A Systems Analysis of Political Life. – N.Y., 1965.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ОПРОСНИКА «СТЕПЕНЬ ВЫРАЖЕННОСТИ ПРОКРАСТИНАЦИИ» (СВП)

М. А. Киселева

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Балашовский институт, Саратовский
государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского,
филиал в г. Балашов,
Саратовская область, Россия*

Summary. The article deals with the problem of procrastination. A theoretical study of the questionnaire. This survey aims to diagnose the state of procrastination personality.

Keywords: procrastination; stress; crisis consciousness; intrapsychic conflict; anxiety; inquirer.

Прокрастинацию в психологической практике интерпретируют, как феномен избегания реализации значимых для личности целей. Данный вопрос изучается нами в рамках научно-исследовательского проекта «Психологический анализ влияния прокрастинации на процесс самоопределения

молодежи», осуществляемого при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-06-00228а).

Наиболее подвержены состоянию прокрастинации молодые люди, склонные к мотивационной недостаточности и низкой волевой саморегуляции. Добровольное, иррациональное откладывание на неопределенный срок (несмотря на явные негативные последствия) желаемых планов вызывается рядом социально-психологических факторов. Основополагающими, на наш взгляд, являются следующие: перфекционизм и общая тревожность личности. Указанные факторы стали основой для выделения соответствующих критериев и шкал диагностики прокрастинации у молодежи. При этом каждый из указанных факторов способен оказать как позитивное, так и негативное влияние на индивидуальные установки личности. Мы также исходили из того, что содержательное выражение этих факторов должно быть включено в вопросы, раскрывающие разнообразие объективных и субъективных причин функционирования прокрастинации. При выборе структуры опросника и построении его содержания, мы ориентировались на общие, универсальные психодиагностические принципы.

Фактор перфекционизма. Феномен «перфекционизм» понимается нами, как эталонное достижение цели, построенное на предельном использовании личностью собственных ресурсов. Перфекционизм, как самоорганизационное свойство личности, может проявляться в «нормальной» и «невротической» формах. Неярко выраженная форма перфекционизма способствует развитию личности, продуктивному достижению поставленных целей. «Невротический» вид перфекционизма вызывает переживание стресса, эмоционального выгорания личности и, как следствие, прокрастинацию. В научных исследованиях Е. П. Ильина, Н. Н. Карловской, И. Л. Шистаковой, В. А. Ясной, С. Н. Ениколопова, Н. Г. Гаранян, А. Б. Холмогоровой, Т. Ю. Юдеевой, данный факт нашел свое подтверждение. Возможно, данное обстоятельство можно трактовать, как эффект функционирования защитного механизма личности, находящейся в негативном поле восприятия временных рамок реализации желаемых целей. Неоднозначность взаимосвязи перфекционизма и прокрастинации отмечено в исследовании Н. Н. Карловской, И. Л. Шистаковой, изучавших данные феномены на материале отношения личности к профессиональному самоопределению. По данным полученным авторами, взаимовлияние указанных коррелятов зависит от вида перфекционизма. Высокие показатели «нормального» перфекционизма коррелируют с низким уровнем прокрастинации, иные показатели выявляются при «невротическом» виде перфекционизма. По результатам исследования авторов, данный вид перфекционизма сопряжен, как правило, с высокой вероятностью яркого проявления прокрастинации [1]. Сходная точка зрения представлена в исследовании Киселевой М. А., Кариной О. В., Шустовой Н. Е. [2]. Таким образом, прокрастинация и перфекционизм представляют собой сложные психологиче-

ские конструкты, связанные взаимодействием и являющиеся причиной и эффектом функционирования друг друга. Этим обстоятельством объясняется выделение шкалы «перфекционизм» в разработанном нами опроснике.

Фактор тревожности. Общая тревога, как фактор прокрастинации, определяется ситуативными и личностными качествами. Мы полагаем, что к личностным качествам, провоцирующим прокрастинацию и, как следствие, стрессовое переживание можно отнести низкий уровень локуса контроля и неадекватно заниженную самооценку личности. Одним из негативных факторов, провоцирующих возникновение прокрастинации, психолог Т. В. Понарядова называет высокую личностную тревожность. По мнению автора, если поставленные цели высокоценны, однако требуют значительных волевых усилий, а сама ситуация обретает черты срочности, личность испытывает стресс, связанный с переживаемой возможной неудачей [4]. Сходную точку зрения можно обнаружить в исследовании О. О. Шемякиной, изучавшей прокрастинацию студентов. Полученные автором результаты обосновывают положение, что, чем выше уровень прокрастинации, тем значительней показатели компонентов стресса [5]. Прокрастинатор не всегда бездействует. Он может выполнять и достаточно много малозначимых дел, откладывая значительные на потом. Ситуация отсрочки снижает общую тревожность прокрастинатора, являясь своеобразным защитным механизмом личности. О взаимосвязи тревожности и прокрастинации указывают так же исследователи В. М. Латушкина и С. Н. Костромина. Ученые считают, что прокрастинация является временным решением проблем, связанных с выполнением трудноразрешимых задач, вызывающих тревогу. В своем исследовании авторы характеризуют влияние прокрастинации на реализацию задач, связанных с учебной и научной деятельностью, как деструктивное [3]. Замещающие действия, используемые прокрастинаторами, впоследствии, становятся своеобразной преградой для обретения самоэффективности личности. И временное облегчение ситуации, связанной с выбором приводит к интрапсихическому конфликту, снижает результат.

Можно констатировать, что данное обстоятельство способствует дискретности процесса достижения желаемых целей и существенно затрудняет гармоничное личностное и профессиональное развитие человека. Перечисленными обстоятельствами объясняется выделение шкалы «тревожность» в разработанном нами опроснике.

В структуру опросника вошли четыре шкалы: шкала общей прокрастинации; шкала мотивационной недостаточности; шкала перфекционизма; шкала тревожности.

Опросник СВП (степень выраженности прокрастинации)

1. Я откладываю принятие решений до последнего момента.
2. Я откладываю реализацию желаемой цели, чтобы выполнить свою задачу как можно лучше.
3. После реализации намеченной цели, я испытываю тревогу, что не выполнил свою задачу вовремя.
4. Приняв решение я, как правило, откладываю на неопределенный срок его реализацию.
5. Я должен выполнить задуманное как можно лучше, поэтому сначала выполняю неглавные задачи.
6. Я откладываю реализацию желаемой цели, чтобы выполнить свою задачу не тревожась заранее.
7. Прежде чем принять решение у меня уходит много времени на то, чтобы заставить себя целенаправленно думать о нём.
8. Все запланированные задачи мне надо сделать как можно лучше, поэтому я не тороплюсь с выполнением и главных, и второстепенных задач.
9. Я ощущаю тревогу, когда требуется принять главное решение.
10. Прежде чем реализовывать основное дело, я трачу много времени на реализацию второстепенных задач.
11. Чем труднее намеченная цель, тем менее я смотивирован принять быстрое решение и, тем больше удовольствия я получаю от её реализации.
12. У меня вызывает тревогу реализация принятого решения, поэтому я стараюсь не спешить с его принятием.
13. Я откладываю реализацию желаемой цели, чтобы получить удовольствие, выполняя задачу в экстремально короткие сроки.
14. Для меня важно выполнить трудноразрешимую задачу как можно лучше, поэтому трачу много времени и на процесс принятия решения и на процесс реализации.
15. Я испытываю тревогу в процессе принятия главного решения, поэтому трачу много времени на выполнение второстепенных задач, прежде чем приступить к главной цели.

Ключ:

Шкала «*Общая прокрастинация*»: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15;

Шкала «*Мотивационная недостаточность*»: 1, 4, 7, 10, 13;

Шкала «*Перфекционизм*»: 2, 5, 8, 11, 14;

Шкала «*Тревожность*»: 3, 6, 9, 12, 15.

Утверждения представленные в опроснике кодируются следующим образом: «*неверно*» – 0 баллов; «*иногда верно*» – 1 балл; «*верно*» – 2 балла. Интегративный показатель результатов выявляет степень выраженности прокрастинации.

Степени выраженности феноменов

1. По шкале «Общая прокрастинация»: низкая степень от 0– до 5 баллов; средняя степень от 6–14 баллов; высокая степень от 15– до 30 баллов.

2. По шкале «Мотивационная недостаточность»: низкая степень от 0– до 3 баллов; средняя степень от 4– 6 баллов; высокая степень от 7– до 10 баллов.

3. По шкале «Перфекционизм»: низкая степень от 0– до 3 баллов; средняя степень от 4– 6 баллов; высокая степень от 7– до 10 баллов.

4. По шкале «Тревожность»: низкая степень от 0– до 3 баллов; средняя степень от 4– 6 баллов; высокая степень от 7– до 10 баллов.

Библиографический список

1. Карловская Н. Н., Шистакова И. Л. Взаимосвязь прокрастинации и перфекционизма у учителей / Личность в трудных жизненных ситуациях как актуальное научное направление коппинг исследования в России: материалы Всерос. науч. практ. конф. – Омск 12–13 нояб. 2009 г. – С. 127–130.
2. Киселева М. А., Карина О. В., Шустова Н. Е. Проявление перфекционизма у молодых спортсменов // Казанская наука.– 2011.–№ 10.–С. 336–338.
3. Латушкина В. М., Костромина С. Н. Прокрастинация и результативность в учебной и научной деятельности аспиранта. // Ананьевские чтения 2010. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2010. – С. 110.
4. Понарядова Т. В. Лень: причины, признаки, преодоление. – СПб. : Образование.– 1996. – 96 с.
5. Шемякина О. О. Влияние прокрастинации на уровень стресса у студентов / Психология и право. – 2013. – №4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n4/66242.shtml> (дата обращения: 28.02.2014).

КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО В ПОНИМАНИИ РЕПУТАЦИИ ВЛАСТИ ОСНОВНЫМИ СУБЪЕКТАМИ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ (НА УРОВНЕ РЕГИОНА)¹

Н. Н. Розанова

*Кандидат педагогических наук, доцент
Смоленский государственный
университет, г. Смоленск, Россия*

Summary. Results of sociological research of reputation of the regional power (on the example of the Smolensk region) on identification of degree of unity in understanding of the category "reputation of the power" by the main subjects of its formation are presented in article: population and power. Identifies priority essential and substantial characteristics of reputation of the regional power.

Keywords: reputation; regional power; formation of reputation; population; categorial unity.

Построение действенной системы управления репутацией в том или ином виде касается любой институциональной структуры, особенно если речь идёт о долгосрочном развитии, требующем стратегического видения ситуации. Для государственного управления наличие позитивной репутации имеет особое значение, так как именно она отражает степень доверия (лояльность) населения к власти и обеспечивает ее поддержку. Проблема формирования репутации власти актуализирована задачами сохранения общественной стабильности в условиях нарастания современных кризисных явлений в социально-экономической сфере развития государства, укрепления доверия между основными субъектами политического взаимодействия: властью и населением.

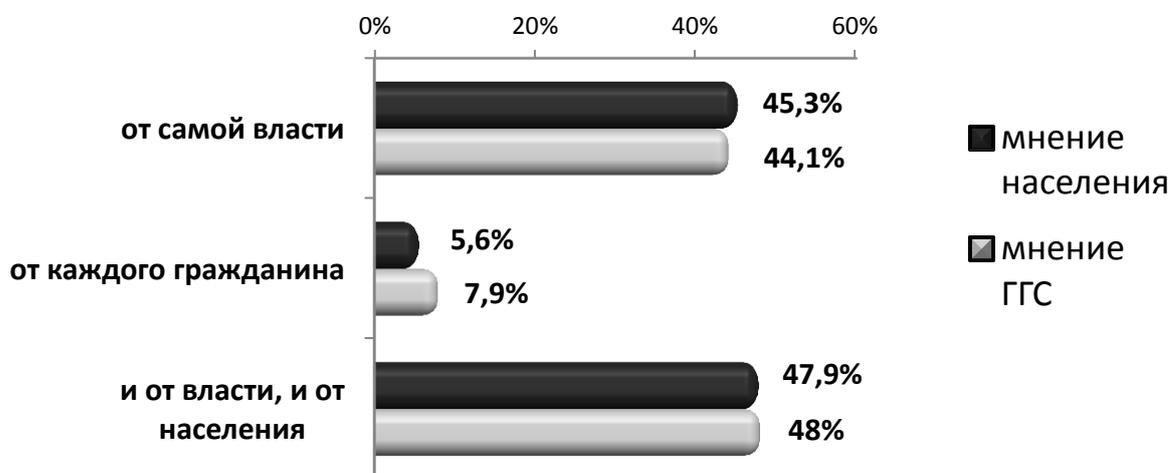
Исследование репутации региональной власти (на примере Смоленской области)² позволило определить роль основных субъектов – населения и самой власти – в процессе формирования ее репутации. Результаты представлены на диаграмме 1.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Технология формирования позитивной репутации региональной власти», № 14-03-00549 а.

² Приведены результаты анкетных опросов по изучению репутации региональной власти жителями г. Смоленска и Смоленской области (ноябрь 2011 г. – январь 2012 г., январь 2014 г., по 305 респондентов); государственными гражданскими служащими органов исполнительной власти Смоленской области (127 респондентов, что составляет 10 % от общего числа служащих, июнь 2014 г.). Смотрите подробнее [1].

От кого, в первую очередь, зависит репутация власти?

(мнение населения и государственных гражданских служащих ОИВ Смоленской области, в % от числа опрошенных)

Таким образом, мы видим принципиальное единство во мнении населения и власти. Для половины из них формирование репутации зависит от обоих субъектов, для другой половины – преимущественно от власти. С точки зрения государственных гражданских служащих это, на наш взгляд, положительный момент, поскольку они в большей степени должны осознавать ответственность за собственную репутацию; для населения – скорее отрицательный, поскольку часть граждан перекладывает ответственность исключительно на власть.

Важнейшим моментом в процессе выстраивания системы целенаправленного управления репутацией является выявление принципиального понимания сущности и содержания репутации власти основными субъектами для того, чтобы выработать единый идейно-смысловой концепт по формированию позитивной репутации региональной власти.

Исследование репутации региональной власти позволило определить принципиальное понимание (сущностные черты) категории «репутация власти», в том числе, в сравнении с имиджем власти, и ее основные содержательные характеристики с точки зрения основных субъектов ее формирования. Определение сущностных черт репутации власти представлено на диаграммах 2–4.

Диаграмма 2

**Имидж власти - это больше ее эмоциональный портрет,
а репутация - рациональный, оценочный?**

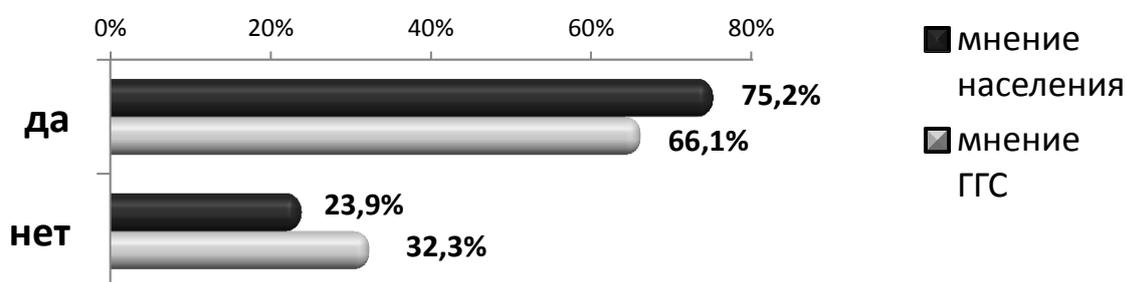

Диаграмма 3

**Имидж власти может быть надуманным и не всегда отражает ее
реальную деятельность, а репутация основана на реальных
качествах и деятельности власти?**

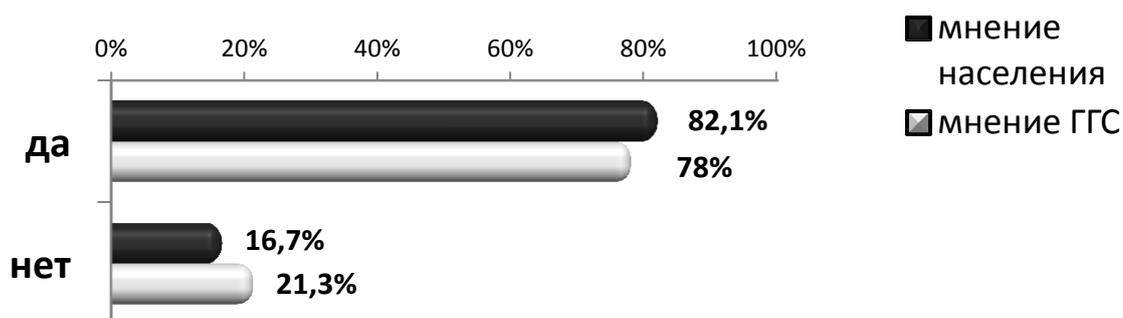
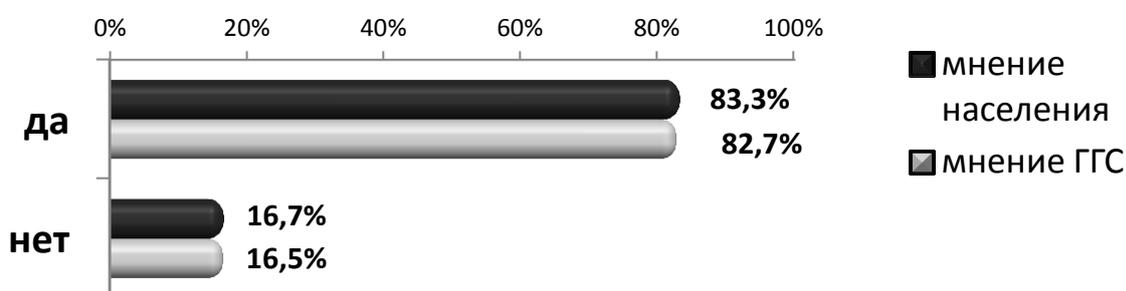

Диаграмма 4

**Для формирования репутации власти необходим опыт (личный
и/или косвенный) взаимодействия с властью**

Таким образом, можно отметить относительное единство мнений, как населения, так и самой власти в понимании сущностных черт репутации власти:

✓ это глубинное, не только эмоциональное, но и ценностное, рационально-оценочное восприятие власти;

✓ репутация в большей степени объективна, основана на реальных качествах и деятельности власти;

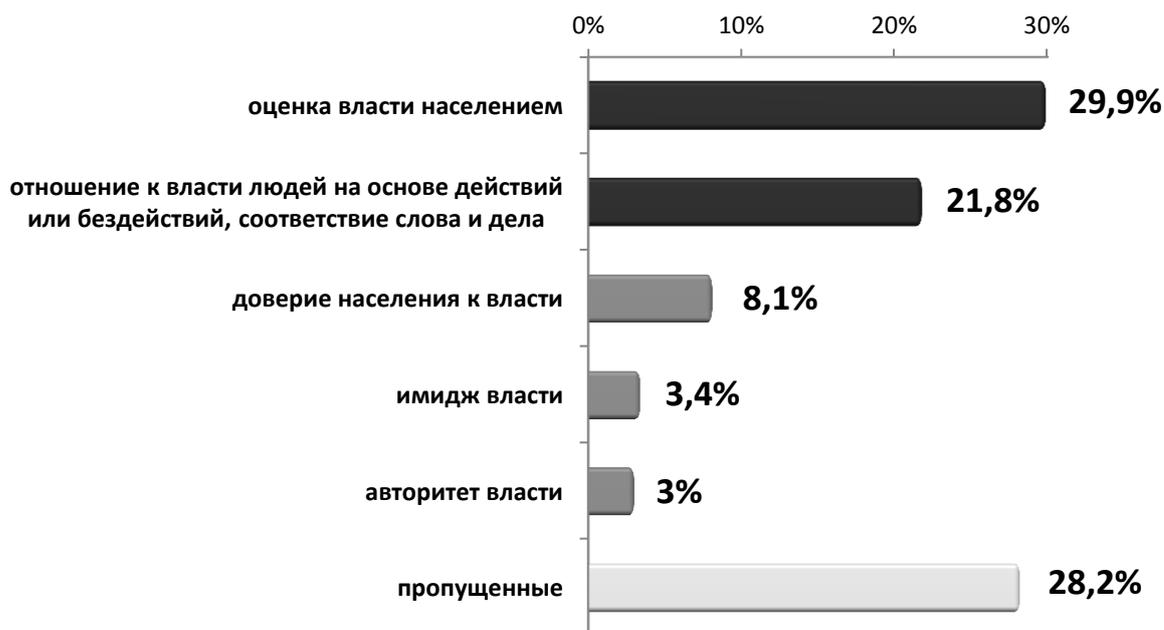
✓ источником формирования и оценки репутации является опыт прямого и/или косвенного взаимодействия с властью, репутация подтверждается практикой.

Далее, чтобы уточнить понятие «репутация власти», как населению, так и государственным гражданским служащим был задан открытый вопрос: «Что такое, по вашему мнению, репутация власти?». Полученные ответы представлены на диаграммах 5 и 6.

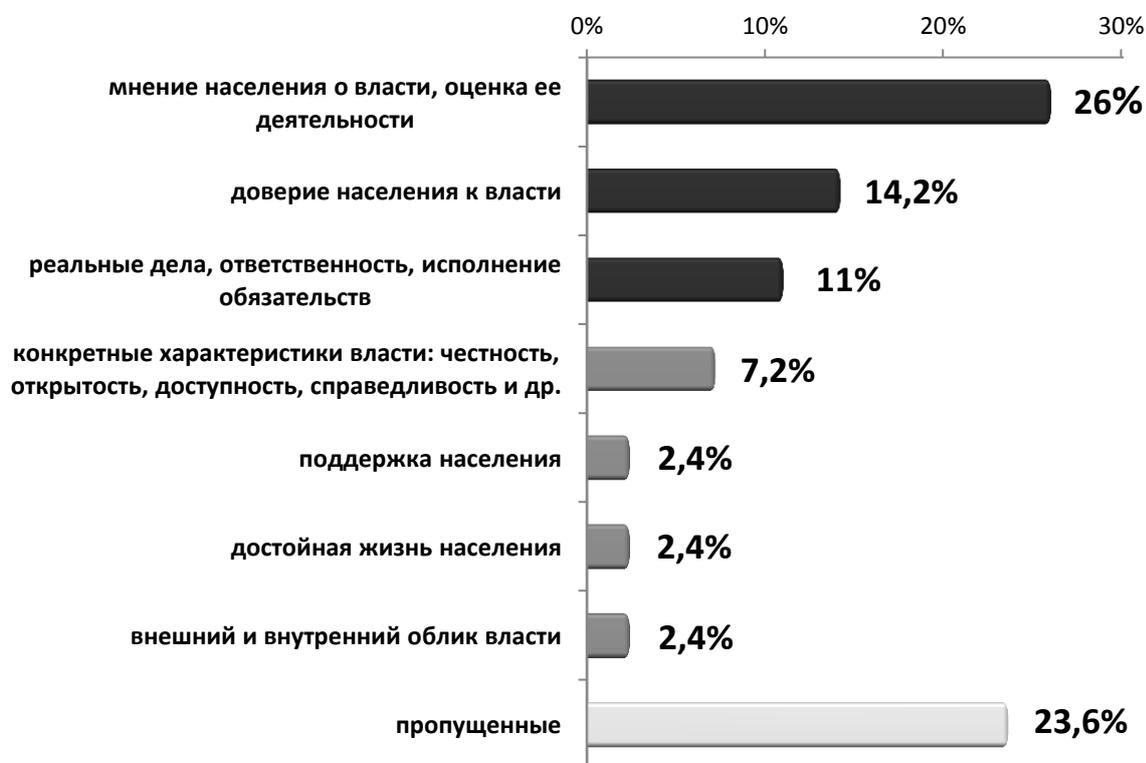
Таким образом, с точки зрения населения, репутация власти – это, прежде всего, отношение населения к власти, оценка степени результативности ее деятельности.

Диаграмма 5

**Репутация власти, по мнению жителей Смоленской области:
открытый вопрос (в % от числа опрошенных)**

Репутация власти, по мнению государственных гражданских служащих ОИВ Смоленской области: открытый вопрос
(в % от числа опрошенных)

По мнению государственных гражданских служащих, репутация власти – это, также, прежде всего, оценка населением работы власти, ее реальных дел. Но представители власти немного больше, чем граждане, связывают репутацию с категорией доверия. В отличие от населения, ряд госслужащих наполняет данное понятие конкретными, самыми значимыми, на их взгляд, характеристиками. Также, среди уникальных ответов (не отраженных в диаграмме) были следующие: взаимопонимание между властью и обществом; состояние, когда народ доволен всем; степень соответствия государственной политики потребностям, интересам и ценностям населения; способность власти показать свои положительные черты; то, что говорят у неё за спиной.

И, наконец, важным было определение ключевых содержательных характеристик репутации власти. Для этого респондентам было предложено 60 характеристик, объединенных в два основных блока: институциональный (качественные характеристики самой власти, отражающие ее обобщенное целостное восприятие) и деятельностный (качественные характеристики власти, отражающие результативность её деятельности, конкретны).

Здесь мы приводим характеристики репутации, выбранные подавляющим большинством как граждан, так и государственных гражданских служащих (ГГС). Они фактически являются обобщающими характеристиками репутации власти, которые как бы аккумулируют в себе все остальные. Это следующие характеристики:

- ✓ результативность деятельности власти (79,9 % – граждане, 66,9 % – ГГС);
- ✓ создание условий для достойной жизни (75,1 % – граждане, 70,9 % – ГГС);
- ✓ доверие населения (61,2 % – граждане, 59,8 % – ГГС);

Интересным, на наш взгляд, является то, что для населения самой важной характеристикой является результативность власти, а для государственных гражданских служащих – создание условий для достойной жизни. Представляется, что такая расстановка акцентов правильна с точки зрения целевой ориентации данных субъектов, поскольку для населения результативность власти определяется созданием условий для достойной жизни, а для самой власти важно, в первую очередь, создавать эти условия для населения, а результативность является следствием.

Таким образом, можно дать следующее определение категории «репутация (региональной) власти», единое в принципиальных моментах, как для самой власти, так и населения.

Репутация (региональной) власти – это совокупность устойчивых, объективно сложившихся ценностных убеждений и рационально осознанных, оценочных мнений населения о власти, формируемых в значительной степени на основе опыта прямого и косвенного взаимодействия, вызывающих чувство доверия и отражающих степень результативности деятельности власти по удовлетворению интересов и потребностей граждан в создании условий для достойной жизни.

Библиографический список

1. Официальный сайт научно-исследовательского проекта «Оценка репутации региональной власти». URL: <http://www.smolvlast.ru>.

II. SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF POLITICAL LEADERSHIP

ФОРМИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОГО ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

Э. В. Бикбаева

*Старший преподаватель,
Тамбовский государственный
технический университет,
г. Тамбов, Россия*

Summary. In this article suggests that the perception of a political leader in the process of political communication is largely due to its image and the problem of effective formation. This problem is relevant not only for approaching parliamentary and presidential elections, but also during any political activity. To save power, the politician must constantly worry about creating and maintaining socially profitable image, about how he is perceived by the electorate.

Keywords: image; political communications; political leader.

В период трансформации политической системы, ломки старых механизмов и стереотипов, одним из наиболее значимых является вопрос создания и поддержания позитивного имиджа власти. Повышение самосознания граждан, их культурного и политического уровня, приводит к необходимости учитывать мнение и настроение общества. Сегодня важнейшей задачей имиджелогии как современной науки становится определение базовой категории «имидж». По мнению Президента Академии Имиджелогии Е. А. Петровой [2, с. 18] очевидно, что на сегодня общепринятого определения имиджа нет. Хотя сделаны определенные попытки его определить как «визуальный образ» (В. М. Шепель), «мнение» (А. Ю. Панасюк), «символический образ субъекта» (Е. Б. Перельгина) и др. Самым распространенным является определение имиджа как «сложившегося в массовом сознании и имеющего характер стереотипа эмоционально окрашенного образа кого-либо или чего-либо».

Имидж возникает только тогда, когда его объект-носитель становится «публичным», т.е. когда есть субъекты его непосредственного или опосредованного восприятия. То есть имидж есть продукт социальной перцепции. Например, для возникновения имиджа депутата необходим хотя бы один избиратель.

По мнению И.С. Савченко [3, с. 170–171] восприятие политического лидера в процессе политической коммуникации во многом связано с его имиджем и проблемой эффективного формирования. Эта проблема являет-

ся актуальной не только по мере приближения парламентских и президентских выборов, но и во время любой политической деятельности. Чтобы сохранить власть, политик должен постоянно заботиться о создании и поддержании социально-рентабельного имиджа, о том, как он воспринимается электоратом. Но никакой, даже самый искусный имидж не сможет эффективно воздействовать, если он будет создан без учета особенностей личности политика, его индивидуальных качеств, наличия реального лидерского потенциала, харизмы. Чем меньше группа, представляющая электорат, тем большую роль играет личностный фактор, а несоответствие и фальшь становятся в этом случае очевидными.

Н. Г. Иванкова [1, с. 177–178] считает, что при формировании необходимого имиджа политика важно использовать бенчмаркинг, т.е. сравнительный анализ ключевых факторов успеха (КФУ). Какие КФУ наиболее важны? Конечно же, это: а) сравнение программных документов партии с установками, лозунгами других партий и определение проигрышных положений и формулировок, изучение степени популярности партии, уровня ее поддержки населением (посредством социологических исследований, экспертных оценок, других способов оценки общественного мнения), анализ критических замечаний и пожеланий людей в адрес партии и ее лидера; б) известность, популярность, авторитет, на утверждение которых направлена пропаганда имиджа; в) острый ум, твердая воля и целеустремленность, кипучая энергия, незаурядные организаторские способности и, особенно, компетентность и готовность брать на себя ответственность.

Подобный бенчмаркинг ключевых факторов успеха полезно проводить каждому политическому деятелю для утверждения и подтверждения политической репутации, для формирования положительного имиджа.

Таким образом, как считает А. Г. Саенко [3, с. 173], внимание, уделяемое имиджу политика – не пустая трата времени. Можно смело сказать, что в процессе политической коммуникации участвуют не идеи, а их носители со всеми реальными и создаваемыми образами, внешний вид которых – манеры, жесты, мимика, голос – лгут очень редко. При всей содержательности политического послания лидера необходимо обладать теми личностными чертами, которые позволят воспринять его так, как пытается автор.

Библиографический список

1. Иванкова Н. Г. Бенчмаркинг – имидж успеха политического лидера // Имиджелогия-2004: состояние, направления, проблемы: материалы Второго Международного симпозиума по имиджелогии / под ред. Е. А. Петровой. – М., 2004. – 380 с.
2. Петрова Е. А. Современное состояние развития российской имиджелогии как науки. // Имиджелогия-2004: состояние, направления, проблемы: материалы Второго Международного симпозиума по имиджелогии / под ред. Е. А. Петровой. – М., 2004. – 380 с.

3. Савченко И. С., Саенко А. Г. Имидж субъекта деятельности в политической коммуникации // Имиджелогия-2004: состояние, направления, проблемы: материалы Второго Международного симпозиума по имиджелогии / под ред. Е. А. Петровой. – М., 2004. – 380 с.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Л. А. Карнаух

*Аспирант,
Армавирская государственная
педагогическая академия,
г. Армавир, Краснодарский край, Россия*

Summary. The article analyzes the concepts related to the characteristic of the technological component of the educational process – educational technology, technology and teaching methods, innovative teaching technologies and so on. Significant selection criteria for vocational education of pedagogical innovations.

Keywords: educational technology; teaching method; innovation; technological innovation in vocational education.

Сегодня к профессионализму современных педагогов предъявляются довольно высокие требования, однако далеко не все из них могут четко пояснить, что собой представляют педагогические технологии, даже тогда, когда имеют большой педагогический опыт. В первую очередь это можно объяснить тем, что педагогическая технология как феномен является промежуточным звеном между научным знанием и образовательной практикой.

В результате изучения научно-исследовательской литературы (О. Л. Агапова, С. И. Архангельский, Ю. К. Бабанский, С. Я. Батышев, В. П. Беспалько, В. Н. Боголюбов, А. А. Вербицкий, Б. С. Гершунский, О. С. Гребенюк, И. А. Зимняя, М. М. Зиновкина, И. И. Ильясов, В. С. Леднев, И. Я. Лернер, В. Я. Ляудис, А. Н. Матюшин, М. И. Махмутов, В. М. Монахов, Л. Г. Семушина, М. П. Сибирская, Н. Ф. Талызина, Ю. Г. Татур и др.) мы убедились в том, что понятие «педагогическая технология» широко используется учеными, признающими ее высокую образовательную и развивающую ценность. При этом научная феноменология педагогической технологии все еще остается неопределенной.

Также нет единообразного подхода к соотношению терминов «педагогическая технология» и «технология обучения».

Например, Образцов П. И. [2] считает технологию обучения составляющим звеном педагогической технологии. Ученый согласен с В. П. Беспалько в том, что педагогическая технология охватывает как этап проекти-

рования процесса формирования личности обучаемого, так и его дидактические аспекты. При этом автор обе эти дефиниции рассматривает как условно равнозначные, связывая это с необходимостью обобщения имеющихся позиций на вопросы технологизации процесса обучения.

Теоретические изыскания в области технологий обучения в профессиональном образовании позволяют обозначить следующую ее методологическую сущность. В частности, технологией обучения обозначается область исследования теории и практики образовательной системы, связанная со всеми аспектами организации педагогического процесса для достижения образовательных результатов. Также под технологией обучения подразумевается и методика систематического планирования, применения и оценивания результативности всего процесса обучения, учета кадровых и технических ресурсов, обеспечения взаимодействия между этими параметрами для достижения высоких результатов образования.

Смысловое наполнение данных определений позволяет включать в технологию обучения планирование и применение в условиях образовательного процесса всю совокупность учебно-развивающих методов, форм и средств для достижения образовательного результата: в рамках профессиональной подготовки – формирования общепрофессиональных и профессиональных компетенций у выпускника вуза.

Любая технология обучения в своей основе опирается на методы обучения. И на данный момент развития образовательной практики проблема подбора методов обучения считается одной из ведущих проблем как на теоретическом, так и непосредственно практическом уровне. В зависимости от того, насколько компетентно решается данная проблема преподавателем, формируются характерные черты самого учебного процесса, достигается эффективность совместной деятельности со студентами, а, следовательно, результативность обучения в высшей школе в целом.

И. Я. Лернер и М. Н. Скаткин выделяют пять методов обучения, характеризующихся признаками взаимодействия и преемственности. Это связано с тем, что каждый из последующих методов нацелен на интенсификацию активности и самостоятельности обучаемых [3].

1. Объяснительно-иллюстративные методы позволяют студентам вуза получать знания на лекции, изучать учебные или методические источники, электронные пособия в «готовом» виде. Восприятие и осмысливание фактов, оценок, формулировка выводов студентами представлены на уровне репродуктивного (воспроизводящего) мышления. Для профессиональной школы этот метод важен в случае передачи большого массива информации.

2. Репродуктивные методы основываются на изучении предметов и явлений на основе образца или правила. В данном случае деятельность обучаемых характеризуется алгоритмичностью, т. е. выполнением по алго-

ритму, предписанию, правилу в аналогичных, схожих с продемонстрированными в образцах ситуациями.

3. Методы проблемного изложения позволяют использовать самые различные источники и средства. Деятельность преподавателя связана с обозначением проблемы, формулировки познавательной задачи, затем с раскрытием системы доказательств, сравнением точек зрения, различных подходов, и, самое главное, иллюстрацией способов решения поставленной задачи. Возможность в процессе профессиональной подготовки погружать студентов с помощью данных методов в научный поиск делает их очень актуальными для вузовского обучения.

4. Частично-поисковые, или эвристические, методы заключаются в обеспечении активного поиска студентами путей решения выдвинутых (или самостоятельно сформулированных) учебных задач либо под руководством преподавателя, либо с опорой на программный материал и методические указания. Данные методы активизируют продуктивность мышления, поэтому они являются очень эффективным способом активизации мыслительных процессов обучающихся (например, в процессе эвристической беседы), познавательного интереса (например, на семинарах и коллоквиумах).

5. Исследовательские методы используются чаще всего уже после этапа анализа материала, формулировки проблем и задач, проведения устного или письменного инструктажа. С помощью данных методов организуется самостоятельное изучение литературы, источников, проведение наблюдений и измерений, выполнение других действий поискового характера. Они в наибольшей степени способствуют развитию инициативности, самостоятельности, творческого отношения к учебному процессу, к исследовательской деятельности. В рамках исследовательских методов обучения учебный процесс перерастает в научное исследование.

Для педагогики также является важным вопрос о том, какие технологии обучения можно считать инновационными, по каким внешним или внутренним критериям определять, что технологии обучения «не срываются», становятся малоэффективными, устаревают.

Научно-педагогическая литература включает в себя большое количество исследований инноваций. Так, инновации представлены как непрерывные, динамические и творческие процессы, преследующие цели педагогической действительности (З. А. Абасов). Они также считаются конечным результатом мотивированного, целенаправленного и сознательного процесса создания, освоения, использования и распространения современных (или осовремененных) идей (теорий, методик, технологий и т. п.), уместных и адаптированных для конкретных условий и соответствующих необходимым критериям (В. М. Полонский). Инновации проявляются в процессе введения новшеств и формирования содержания, формулирования целей, подбора методов и форм обучения и воспитания, организации совместной деятельности субъектов образовательного процесса (И. Ф. Ис-

аев) и др. Наряду с этим инновация считается таковой, если она приносит новое (в виде знания, технологий, приемов, подходов) не с целью обновления образовательной практики и не с целью подтверждения возможности практического использования предлагаемого нового, а только для получения результата, характеризующегося высоким уровнем социально-общественной востребованности (В. И. Загвязинский, В. Г. Медынский, Л. Н. Харченко и др.) [1]. Поиск инноваций обусловлен внешней средой (а именно, рынком образовательных услуг), и потому инновация всегда мотивирована местом и временными позициями и вытекает из них. Процесс внедрения технологических инноваций задается внешними и внутренними факторами, связанными с наличием инновационной образовательной программы; практикой применения инновационных технологий обучения; подготовленностью к инновационной деятельности преподавателей.

Процессы внедрения и распространения педагогических инноваций в профессиональное образование связаны с востребованностью социума в организации подготовки специалистов с высшим образованием к инновационной практике.

В целом, при выборе из всего многообразия имеющихся в современной образовательной практике технологий обучения преподаватель должен понимать, какие из них в конкретных образовательных условиях отвечают как потребностям субъектов обучения, запросам образовательной ситуации, так и его личностно-профессиональному потенциалу. Преподаватель может использовать инновационные технологии, которые соединяют в себе уже известные элементы педагогического процесса в новой связке (новый метод обучения, построенный на необычном сочетании известных приемов и способов); а также модифицирующие технологии, совершенствующие, улучшающие, дополняющие традиционные методики обучения без глубоких их изменений.

Применительно к сфере профессионального образования наиболее интересными можно назвать технологические инновации, содействующие: развитию личности студента, его способности к научно-технической и инновационной деятельности; проблемно-модульному способу изучения дисциплин, позволяющему интегрировать знания, приобретаемые в ходе освоения смежных знаниевых парадигм; развитию опыта творческой деятельности; перемещению акцента с процесса обучения на процесс учения самих студентов, освоению ими знаний и опыта при консультативной поддержке преподавателя за счет расширения форм и способов внеаудиторной самостоятельной работы.

Библиографический список

1. Инновационная деятельность в современном университете: термины и понятия: словарь / С. Г. Кочергин, И. Е. Панова, Л. Н. Харченко; под ред. В. А. Шаповалова. – Ставрополь : Сервисшкола, 2008. 236 с.

2. Образцов П. И. Психолого-педагогические аспекты разработки и применения в вузе информационных технологий обучения. Орловский государственный технологический университет. – Орел, 2000. 145 с.
3. Современная дидактика: теория практике / под ред. И. Я. Лернера, И. К. Журавлева. – М. : Изд-во ИТП и МИО РАО, 1994. – 288 с.

МОДЕЛИ ИМИДЖА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПОЛИТИКОВ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Д. В. Покатов

*Доктор социологических наук, доцент,
Саратовский государственный
университет им. Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия*

Summary. The article deals with the approaches to the definition of a political image. The notion “political image model” is being treated in the article, as well, as some basic image models of Russia’s politicians are being characterized (a pragmatist, a technocrat, an ideologist, a romanticist, a populist).

Keywords: image; political image; image models of a modern political.

В последние годы заметно активизировались научные исследования и разработки различных аспектов имиджа как отдельных социальных институтов и организаций, так и персональных имиджей, в том числе, предпринимателей, руководителей, политиков. Все это, конечно, не случайно, поскольку именно имидж выступает особым механизмом активизации и интенсификации ресурсов, в первую очередь, человеческого потенциала.

Проблема имиджа (от лат. «imitari» – имитировать и английского «image» – изображение, образ) в разные годы поднималась в трудах представителей отдельных направлений и школ социально-гуманитарного знания, весьма неоднозначно интерпретирующих данное понятие. Достаточно большой опыт был накоплен психологией, во многом рассматривающей имидж как особый социально-психологический механизм воздействия и средство индивидуализации личности. Исследователей, работающих в области экономической теории, в первую очередь, интересуют вопросы формирования эффективного имиджа производственных организаций и учреждений. Представители политической науки анализируют различные аспекты формирования имиджа руководителей и лидеров в контексте их участия в электоральном процессе с целью более эффективного воздействия на него и повышения доверия к институтам власти и управления.

В зависимости от предметной сферы исследования той или иной науки, в основном, давались и определения имиджа политического деятеля. Так в работе Ю. А. Панасюка имидж определялся как мнение об объек-

те, возникшее в психике группы людей на основе образа, сформированного в результате восприятия ими тех или иных характеристик данного объекта [8, с. 11]. В политологическом исследовании А. Ю. Горчевой имидж политического лидера трактуется как результат конструирования характеристик субъекта, которые рисуют его облик привлекательным, узнаваемым и позволяют ему решить конкретную политическую задачу (победить на выборах) [3, с. 113].

В отличие от интерпретаций имиджа в других науках, социология стремится выявить социально-типичные характеристики данного феномена, детерминируемые не личностными мотивами и показателями, а социальными факторами, а также показать, как данные статусные характеристики, сформированные в образ политика, фиксируются в сознании представителей социальных страт, и какая им дается оценка. Таким образом, имидж политика, с точки зрения социолога, должен, прежде всего, выполнять функции регуляции и социальной оценки. Учитывая это, имидж политического деятеля можно определить как сформировавшийся в индивидуальном и массовом сознании интегрированный образ политического деятеля, включающий как идеально-символические, так и функционально-статусные компоненты, закрепляющиеся в общественном сознании как результат оценки представителями различных социальных слоев и групп деятельности политика, его личностных, профессиональных и иных качеств.

Имидж современного политика, и здесь можно согласиться с авторами ряда исследований по данной проблематике, имеет ряд характерных признаков. Прежде всего, он обладает стереотипностью, особой упрощенностью, не позволяющей содержать много различных характеристик и параметров. Также имидж политика, формируемый с определенными целями, должен быть прагматичным и реалистичным, иметь однозначно воспринимаемые и объективные, реалистичные, параметры. И, конечно, многие его составляющие должны отличаться целостностью, внутренней непротиворечивостью, и быть вариабельны, соотносимы с характеристиками и предпочтениями определенных страт общества [9, с. 582–583]. Структура имиджа современного политического деятеля включает в себя как идеально-символические, так и статусно-функциональные компоненты. К первым можно отнести ряд личностных характеристик (в том числе, харизму, манеру поведения и т.д.), ко вторым – такие статусные показатели, как профессионализм, организаторские способности, административный опыт и т. д.

Отмеченные «идеальные» черты имиджа политика весьма своеобразно проявляют себя в социальной реальности, где на них оказывают воздействие многие факторы, и, прежде всего, социокультурная среда того общества, в котором проходит становление политического деятеля. Исходя из этого, можно говорить о различных моделях имиджа современных политиков, объективно формирующихся в том или ином обществе. При этом модель политического имиджа можно определить, как объективно форми-

руемый, под воздействием ряда факторов, у представителей различных социальных слоев и групп образ политического деятеля, отражающий его социально-типичные личностные и статусно-функциональные показатели.

В отечественной социологии представители разных направлений и школ в той или иной форме пытались дать свое видение особенностей и форм имиджа политиков. Так, ещё в XIX веке известный отечественный социолог, представитель органицизма А. И. Стронин, рассматривая слой идейной, практической интеллигенции, определяемый им как политиков, т. е. политических теоретиков, выделял в нем: теоретических новаторов, пропагандистов и деятельных агитаторов [10, с. 227]. Отличительной особенностью новаторов было, по его мнению, формирование идей, мнений и положительного знания, пропагандистов – общественного идеала, агитаторов – законопроектов [10, с. 240].

Свое видение имиджа политика предложил видный представитель отечественной социологии народничества П. Л. Лавров. В его представлении общественная среда порождала как объективно-позитивные образы политиков, так и негативные, опасные для общества. К первым он относил тип «критически мыслящих личностей», являющихся активными преобразователями общества, в том числе «незаметных героев человечества», «лидеров прогресса», «прагматиков» [6, с. 87]. Во многом антиподом «критически мыслящих личностей» выступал слой «романтиков», объединяющий в себе как политиков, желающих осуществления каких-либо преобразований, но не знающих как их реализовать, так и откровенных фантазеров [6, с. 87–89].

В современной социологии, так же, как и в классической, предпринимались попытки анализа моделей и форм имиджа политиков. Так, С. В. Кузьмина, рассматривая особенности речевого поведения современных отечественных политических деятелей, выделяет такие модели политического имиджа, как «технократ», «прагматик», «идеолог», «моралист» [5, с. 108–114]. Нисколько не уменьшая значимости проведенного автором исследования, отметим, что политический имидж все же представляет, о чем уже говорилось выше, более комплексное явление, синтезирующее, как личностные, идеально-символические показатели, к которым относятся и речевое поведение, так и функционально-статусные характеристики современных политических деятелей. Учитывая это, как и результаты исследований, проведенных как отдельными авторами, так и некоторыми социологическими центрами, можно говорить о том, что сегодня все более закрепляются такие модели политических имиджей, как «прагматик», «технократ» и «идеолог» [1].

Также можно говорить и об имеющихся переходных моделях, в которых сильна личностная составляющая. Прежде всего, речь идет о таких моделях, как «популист» и «романтик». С социологической точки зрения их нельзя полностью отнести к перечисленным выше, но, безусловно, то,

что они реально представлены в современном российском обществе. Здесь можно согласиться с А. М. Тулеевым, справедливо отмечавшим, что многие российские лидеры, особенно на региональном уровне, в своих имиджевых моделях скорее отражали личностные черты и качества, нежели стремились полностью соответствовать ожиданиям населения [11, с. 128].

Переходя к характеристике данных моделей, отметим, что политический имидж «прагматика» за последние 15 лет остается наиболее предпочтительным по целому ряду показателей, прежде всего потому, что такой политик, обладая необходимыми личностно-профессиональными показателями, в том числе, управленческим опытом, умело сочетает административную и хозяйственную деятельность с политической [1, с. 385].

Достаточно распространен и имидж политика-технократа. Как справедливо отмечает А. А. Кокошин, многим современным публичным политикам нужен краткосрочный «пиар-эффект», который зачастую не совпадает с содержательными результатами. Технократ же руководствуется, в большинстве случаев, более долгосрочной перспективой, внося в решаемую проблему необходимую системную логику [4, с. 8]. В оценках экспертов и населения его отличают не только системность и рационализм, но и высокий профессионализм, уверенность и последовательность, хотя и, в ряде случаев, некоторый консерватизм и рутинность. В последние годы можно говорить о том, что имидж политика-технократа фактически объединяет в себе два близких образа – «хозяйственника», чья карьера была связана больше с неполитическими, в большинстве случаев, производственными организациями и «администратора», являющегося, в большинстве случаев профессиональным чиновником.

Среди типичных для России имиджей политиков выделяется и имидж политика-идеолога, в котором некоторые личностные черты (в том числе, ораторские способности, личное обаяние и т. д.) значительно превосходят функциональные показатели. Достаточно справедливы в этой связи слова известного отечественного политолога Ф. М. Бурлацкого, что Россия, которая не прошла значимой школы индустриального капиталистического развития взращивала деятелей двух типов: идеологов и военных. Идеологи, как раз и отличались пристрастием к бесконечным словоизвержениям, пропаганда заменяла у них политику [2, с. 547].

Несколько отличаются от рассмотренных выше имиджей образы политиков «популистов» и «романтиков». Объединяет их то, что личностные (в большинстве не являющиеся позитивными) характеристики превалируют над функциональными (прежде всего, профессиональными и организаторскими показателями). Главными достоинствами имиджа популиста, являющегося, по сути, разновидностью имиджа идеолога являются личное обаяние и красноречие, о чем писал ещё в конце XIX века французский психолог Г. Лебон. При этом, по мнению ученого, популист должен обладать совершенно «специальным красноречием, преимущественно заклю-

чающимся в энергичных, хотя и совершенно бездоказательных, утверждениях и в ярких образах, обрамленных весьма поверхностными рассуждениями» [7, с. 361]. Характерной чертой имиджа политика-романтика, помимо присущего ему личного обаяния, является гипертрофированное стремление к идеализации действительности, формулированию различных проектов, далеких от окружающей их социальной реальности, что в целом формирует негативный образ такого политика у населения.

Подводя итог, отметим, что происходящие в современном российском обществе трансформационные процессы продолжают существенно изменять функциональную деятельность институтов и субъектов общественного и политического процесса, что, без сомнения, значительно модифицирует и имиджевые модели современных политических деятелей, отражающие в концентрированной форме их социально-типичные личностные и статусно-функциональные показатели.

Библиографический список

1. Ашин Г. К., Понделков А. В., Старостин А. М., Кислицын С. А. Основы политической элитологии. – М. : ЛИБРОКОМ, 2013
2. Бурлацкий Ф. М. Глоток свободы. – М. : РИК «Культура», 1997. Т. 1.
3. Горчева А. Ю. Политический менеджмент постсоветской России. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003.
4. Кокошин А. А. Размышления о технократии и технократах. – М., 2008.
5. Кузьмина С. В. Теоретико-методологические основы социологического анализа вербальной коммуникации как средства создания имиджа современного российского политика: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01. Саратов, 2012.
6. Лавров П. Л. Философия и социология. – М., 1965. Т.2.
7. Лебон Г. Психология народов и масс. – Челябинск : Социум, 2010.
8. Панасюк А. Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнология, психотехники. – М., 2008.
9. Политический менеджмент / под общ. ред. В. И. Жукова. – М. : Изд-во Института психотерапии, 2004.
10. Стронин А. И. Политика как наука. – СПб. : типография Ф. С. Сущинского, 1872.
11. Тулеев А. М. Политическое лидерство в современной России. Региональный ракурс. – М. : Мысль, 2000.

ОБРАЗ ЛИДЕРА В ПРОБЛЕМНОМ РЕГИОНЕ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ИНФАНТИЛИЗМ ВЛАСТИ

М. Ю. Сорвина

*Кандидат искусствоведения,
преподаватель,
Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва, Россия*

Summary. This article is devoted to questions of political leadership. On the example of the paradigm of leadership in the region of South Tyrol you can see a definite trend of change of power and the creation of a new type of leader in modern society.

South Tyrol – bilingual autonomy, troubled region, striving for self-determination. The role of the governor is extremely important for reform. However, the example of this autonomy is particularly noticeable feature of the current policy in Europe. Community leader and "father of the nation" with journalists, the interaction with the media, public relations reveal the true quality of a political personality. Three types of leaders – Silvius Magnago, Luis Durnwalder and Arno Kompatscher – demonstrate the socio-political, aesthetic and moral changes in society.

Keywords: regional history; social-policy history; German-language; autonomy; society; media; political personality.

В начале XXI века социолог Герман Атц писал, что 50-летнее доминирование Народной партии Южного Тироля является «совершенной аномалией»: полвека она удерживала большинство в 60 процентов и лишь в 1993 году снизилась до 52 процентов голосов [1, с. 197].

Однако в таком явлении не было ничего удивительного. На первом этапе существования партии (1945–1957) ее авторитет еще поддерживался доверием к антифашистскому патриотическому союзу «Andreas-Hofer-Bund», на базе которого она создавалась. Союз был основан в подполье в 1938 году, в самый разгар репрессий муссолиниевского режима. Народную партию возглавили создатели союза, антифашисты, вызывавшие доверие у населения – политик Эрих Амонн, журналист Фридл Фолгер, издатель Гони Эбнер. К середине 1950-х годов ведущая партия утратила былые черты из-за своей пассивности, в которой многие видели конформизм, тогда как на самом деле речь шла скорее о беспомощности уставших от поражений лидеров. Ради выживания партия предприняла реформы, и 25 мая 1957 года ее главой был избран юрист итало-немецкого происхождения, ветеран Второй мировой войны Сильвиус Маньяго. Именно этой яркой личности Народная партия была обязана своим дальнейшим долголетием, и лишь уход Маньяго с поста председателя в 1993 году стал причиной падения избирательного процента.

1. Лидер-аскет (1950-е – 1960-е годы)

Маньяго отличали черты старомодного лидера, присущие периоду первой половины XX века. Для этого времени (1900-е 1960-е) было харак-

терно романтизированное представление о лидере как о фигуре аскета и фанатика идеи. Такой фигурой и оказался Маньяго по всем своим показателям. Ровесник Первой мировой войны и ветеран Второй мировой, он лишился ноги и всегда ходил с костылем, но отказывался от услуг личного шофера и водил автомобиль самостоятельно. Харизматичному, внешне привлекательному Маньяго, по его собственным словам, «повезло с женщиной»: он счастливо женился на Софии Корнелиссен незадолго до отправки на фронт и прожил с ней 60 лет, вплоть до ее смерти в 2003 году. Детей у супругов не было, и в своих интервью Маньяго винил в этом исключительно себя и военные обстоятельства: он чудом остался жив в 1943 году и сильно промерз в товарном вагоне. В такой внезапной откровенности обычно сдержанного губернатора соотечественники видели благородство и честность, тем более что Маньяго добавлял, что считает всех юных жителей региона своими детьми. Когда его спрашивали об их отношениях с женой до свадьбы, в период ухаживаний, Маньяго отвечал, что это были всего лишь «романтические прогулки по парку, взявшись за руки», поскольку в те далекие времена молодые «ни о чем другом не помышляли» [4, с. 26].

Любопытно, что при такой откровенности в официальных интервью, данных личному биографу, историку Гансу Карлу Петерлини, лидер Южного Тироля оставался абсолютно закрытой и «наглухо застегнутой» фигурой. Он, превосходный оратор, собиравший толпы народа, не любил публичности: «У меня просто никогда не было интереса к «разрезанию ленточек». Если открывали детский сад или школу, я посылал Тони Цайгера» [4, с. 238]. Цайгер был красноречивым секретарем губернатора. Интровертность и скромность лидера региона компенсировались его кипучей дипломатической и юридической деятельностью на благо родного края: если бы не его талант переговорщика, автономия в Южном Тироле никогда не была бы принята итальянской стороной.

Восторг от восприятия этого человека выражен в благодарственной речи лауреата литературной премии, известного журналиста Клауса Гаттерера, который, по его словам, «лишь скромная фигура в сравнении с такой личностью, как Маньяго»: «Я могу только от всего сердца пожелать Маньяго в обозримом будущем закончить работу, начатую 24 года назад, поскольку не вижу никого иного, кроме него, кто мог бы это сделать» [2, с. 14].

17 марта 1989 года в центре Боцена, столицы Южного Тироля, напоминало «Прощальную симфонию» Гайдна. Глубокой ночью Сильвиус Маньяго погасил все лампы и светильники в рабочем кабинете, запер дверь и ушел навсегда. Это было добровольное решение: его авторитет у народа продолжал расти, но здоровье ухудшалось в связи с возрастом.

2. Лидер-популист (1990-е – 2000-е годы)

Место Маньяго в кресле губернатора региона занял Луис Дурнвальдер, и с этого момента характер политики резко изменился. По словам Петерлини: «Дистанцированная сдержанность Маньяго уступила политике “похлопывания по плечу” и “купания в толпе”. В кабинете Дурнвальдера каждое утро

был “день открытых дверей”. С 7 часов в его офисе толпились разношерстные посетители со всего региона. Средства массовой информации, к которым Маньяго всегда относился с долей подозрительности, Дурнвальдер каждый понедельник приглашал на пресс-конференции, и у каждого представителя прессы имелся номер его мобильного телефона» [3, с. 263].

Не одобряя такой открытой популизм своего преемника, Маньяго ворчал: «У меня совсем другой стиль правления, и Дурнвальдер это хорошо знает, у него была возможность наблюдать, как я работаю. Но я что-то не помню, чтобы депутаты жаловались, что им со мной невозможно иметь дело. В этом отношении он у меня ничему не научился./.../ Нет, его не интересует мое мнение. Он и так достаточно вежлив, чтобы каждый год посылать мне на рождество чудесную елку и коробку вина из Лембурга. И я всегда благодарю его за это, потому что он мог бы этого и не делать» [4, с. 238].

Однако причина смены политики заключалась не только в характере Дурнвальдера, но и в перемене информационного климата в мире в целом и в Южном Тироле в частности. В эпоху правления Маньяго еще не получили такого широкого распространения радио и телевидение: в Южном Тироле они начали развиваться с 1970-х годов и достигли своего расцвета к 1990-м. К тому же, общий стиль европейской политики, направленный в эпоху глобализма и укрупнения регионов на социально-экономическую и потребительскую проблематику, требовал явления обществу иного ролевого идеала – «героя дня без галстука», доступного, жизнелюбивого, позитивного.

Именно таким героем стал Дурнвальдер – в отличие от Маньяго полнотелый и смешливый, как шекспировский Фальстаф.

Личная жизнь «Дурни», как его называла часть жителей края, стала продолжением его общественной жизни. Вступив на старости лет в гражданский брак со своей соратницей по Народной партии, Дурнвальдер в 70-летнем возрасте стал отцом малютки. Радость отцовства настолько отвлекла его от работы, что в блогах стали появляться колкие выпады в его адрес: «Таков путь к счастью циничных филантропов» и «Вот что такое рекламная демократия!». Некоторые замечания выглядели чрезмерно остро: «В связи со счастливым прибавлением семейства в нашей «партии большинства» всем следует взяться за руки и торжественно исполнить гимн Андреаса Хофера. А для самых маленьких, которые еще не ощутили национального самосознания, равно как и для стареньких, из которых уже песочек сыплется – что затрудняет запоминание текста и мелодии – предлагается специальная версия караоке с телесуфлером» [7].

Испытывая по отношению к Маньяго комплекс «инфантилизма», Луис Дурнвальдер продвигал собственную программу социальных изменений в регионе, связанную исключительно с экономической и молодежной сферами. Наряду со строительством детских садов и созданием юношеских центров, он выдвинул идею «региональной экономики», которую назвал «вызовом» правительству. Суть программы заключалась в само-

обеспечении региона продуктами фермерских хозяйств, популяризации этих мер для потребителей, привлечении к этой программе итальянских соседей из родственной Тиролю области Трентино. Итальянцы откликнулись, и губернатор торжествовал: вековые границы между национальными меньшинствами сломаны. Однако, занимаясь базисом, он полностью игнорировал надстройку – то есть национальную культуру, историю, традиции. На многократные требования граждански равнодушной общественности заняться вопросами топонимики, искоренения фашистской символики и реализации инициатив по самоопределению Южного Тироля Дурнвальдер привык досадливо отмахиваться, а в телеинтервью, вежливо улыбаясь, отвечал: «Не нужно. Несвоевременно». Это привело к тому, что к началу второго десятилетия XXI века выросло число недовольных работой Дурнвальдера. Более решительные политики считали SVP «партией предателей», а по ландтагу ходили листовки воинственного содержания: «SVP предала не только народ Южного Тироля, но и те тысячи тирольцев, ладинцев, итальянских тирольцев, которые отдали жизнь за единство Тироля в годы Первой Мировой войны. А также и те 155 000 южных тирольцев, которые голосовали в 1945 году за воссоединение Тироля. И всех тех, кто ради самоопределения Тироля пожертвовал свободой и жизнью в 60-е годы. Теперь она предает не только наших предков, но и нашу культуру, язык, традиции, обычаи, нашу тирольскую идентичность» [5].

3. Лидер-школьник (2010-е годы)

В 2014 году с приходом на место губернатора 43-летнего Арно Компачера Народная партия резко помолодела. Едва ли возраст нового лидера был как-то связан с воспоминаниями о Маньяго – он стал председателем SVP тоже в 43 года, но война сделала его вполне зрелым мужчиной, – скорее Компачер оказался наиболее подходящей фигурой для тех, кто не хочет проблем и перемен. Нового губернатора отличали идеальный имидж и кристальная биография. Привлекательный внешне, подтянутый (в отличие от Дурнвальдера) и многодетный (в отличие от Маньяго), Компачер окончил два университета – в Падуе и в Инсбруке, – то есть получил полноценное двуязычное образование, подходящее полиэтническому региону. Этот открытый и улыбчивый политик особенно любил вопросы интервьюеров, связанные с его спортивным досугом или шестерыми детьми, и очень не любил, когда его спрашивали о референдуме или двойном гражданстве. По сравнению с Маньяго он казался более беспечным и менее уверенным в себе, а по сравнению с Дурнвальдером – менее шумным и вездесущим, но и менее солидным.

Проработав на посту губернатора менее года, Арно Компачер успел составить о себе мнение и у итальянцев, и у немецкоязычных соотечественников. И первые, и вторые воспринимали его как недоросля или школьника, постоянно навещающего учителя, чтобы спросить совета или разрешения. Компачер боялся принимать решения, постоянно повторял, что «любые меры, любые споры могут привести к конфликтам и разбере-

дить старые раны» [6]. По его мнению, «многонациональное общество в Южном Тироле уже построено, мирное сосуществование установлено, и будет неправильным раскалывать население введением двойного гражданства или проведением референдума» [6].

Принимая участие в популярных итальянских ток-шоу телевидения RAI, Арно Компачер, похоже, испытал шок: действуя по заведенной традиции медийного популизма, он едва ли ожидал, что его подвергнут жесткому экзамену. Телеведущий Бруно Веспи вел себя не как гостеприимный хозяин эфира, а именно как гневный экзаменатор: он не давал губернатору опального региона договорить фразу до конца или просто ответить на вопрос. Тем самым Компачеру давали понять, что ему позволили выступить на центральном телевидении вовсе не для того, чтобы он мог высказывать свои соображения, а для того, чтобы внимательно слушал, что ему говорят «старшие».

Заключение

Можно сделать смелое предположение, что в самом понятии политическое лидерство наметилась тенденция к вырождению, однако здесь есть еще один нюанс.

Мы с самого начала века имеем дело не с вырождением, а с «инфантилизмом» европейской политики. Та же самая, популярная ныне мода на акселерацию активно внедрялась в отношении телеведущих, компьютерных гениев, дизайнеров: начали появляться 12-летние модельеры одежды или ведущие передач детского возраста.

Но с политиками все обстоит иначе: за этим видится и конечная цель – создание популяции беспомощных, несамостоятельных и хорошо управляемых лидеров-марионеток, с которыми будет легко договариваться. Возможно, ради этого и затевалась игра в «омоложение» общества.

Библиографический список

1. Atz, Hermann. Die Landtagswahlen 2003 in Südtirol // Jahrbuch für Politik: Tirol und Südtirol 2003. – Bozen : Athesia, 2004.
2. Gatterer Claus. Über die Schwierigkeit, heute Südtiroler zu sein: Rede anlässlich der Verleihung des Südtiroler Pressepreises, gehalten am 31. 1. 1981. – Bozen-Innsbruck : «Kontaktkomitee für's andere Tirol», 1981.
3. Peterlini Hans Karl. 100 Jahre Südtirol: Geschichte eines jungen Landes. – Innsbruck-Wien : Haymon Verlag, 2012.
4. Peterlini Hans Karl. Silvius Magnago. Das Vermächtnis: Bekenntnisse einer politischen Legende, Auflage. – Bozen: Raetia, 2008.
5. SVP: Der Verrat an Südtirol ist vollzogen. – Südtiroler Landtag, 8. Mai 2012.
6. Südtirol: Zur Frage der Doppelstaatsbürgerschaft. – Süd-Tiroler Freiheit, 25. Februar 2015.
7. Gesponserte Demokratie und direkte Zuhörerreaktionen oder umgekehrt. URL: <http://irgendwer.podspot.de/post/gesponserte-demokratie-und-direkte-zuhörerreaktionen-oder-umgekehrt/>

III. MODELS AND TECHNOLOGIES OF EFFECTIVE POLITICAL COMMUNICATION

ИНТЕРНЕТ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

О. Е. Гудошникова

*Аспирант,
Российский государственный
социальный университет,
г. Москва, Россия*

Summary. Development of new information technologies (new media) leads to a change in the nature of political participation and political culture. Private citizen participation in policy will increase with the growth of their influence on public life through new media. This promotes the development of democracy in modern society.

Keywords: Internet; democracy; political communication; new media; mass-media; political participation; political culture.

Интернет, как инструмент демократизации, способствует привлечению социально-политически активных граждан, улучшению политической коммуникации, повышению прозрачности и расширению доступа к информационным активам, что должно противодействовать тенденции увеличения политической апатии. В частности, потенциал взаимодействия пользователей и заинтересованных лиц через социальные сети становится реальностью.

Мы констатируем, что динамичные высокотехнологические разработки привели к возрождению некоторых теорий демократии. Стало возможно дальнейшее развитие таких понятий, как «демократия участия» [7, с. 122], «сильная демократия» [3] и «совещательная демократия» [5; 6]. Эти дефиниции предполагают демократизацию всех сфер жизни и максимальную вовлеченность в процесс принятия социально-политических решений инициативных слоев общества.

Е-участие (E-participation) означает участие граждан в социально-политических процессах принятия решений с помощью новых средств массовой информации, в частности Интернета и мобильной связи. При этом должно быть достигнуто расширение прав и возможностей граждан, то есть их активное участие граждан в вышеназванных процессах.

Интернет предлагает готовую инфраструктуру, которая имеет потенциал основательно переформатировать отношения между гражданами и правительством. Его интерактивность, возможность вертикального и горизонтального общения, уменьшение посреднической роли в процессе обще-

ния, низкая стоимость и быстрая, трансграничная коммуникация в реальном времени обуславливают огромный демократический потенциал Интернета [4]. Никогда не было так легко и доступно создавать, использовать и распространять контент в Интернете.

Онлайн-участие можно разделить на четыре этапа: получение информации; консультирование; взаимодействие (сотрудничество); совместное принятие решения. Форма онлайн-участия при решении политической проблемы должна не только способствовать поиску более эффективных путей решения задачи, но и привести к поддержке широких слоев населения принятого решения.

Сегодня очевиден тот факт, что преобразование общества исходит из Сети. Тем не менее, это только одна сторона медали. Чтобы быть политически активным, современному человеку даже не нужно выходить из своего дома. Это напрямую указывает на изменение политической культуры, которая меняется вместе с обществом. Политическая культура по-прежнему рассматривается как ориентир политического действия, нацеленного на мнения, отношения и ценности людей, которые и формируют общество, государство. Политическая культура включает в себя политическую социализацию в семье, школах, партиях, группах сверстников и средствах массовой информации, а также довольство демократией, политическое участие и доверие к политическим институтам. Однако политическая социализация и политическое участие нескольких поколений граждан сегодня формируется посредством Интернета, что ведет к серьезным изменениям в политической культуре: привычные места социализации, такие как семья и школа теряют свое значение.

Мы солидарны с А. Г. Быстрицким, который полагает, что «... социальные медиа обогатили человеческую коммуникацию, но не изменили ее суть и не придали ей, коммуникации, новых сущностных качеств» [2, с. 21]. Стоит отметить, что участия человека в политической жизни общества, государства не становится меньше. Политическое участие видоизменяется, изменяя тем самым политику. При этом существует скрытая опасность для политической коммуникации потерять часть своих адресатов, если не отреагируют на эти изменения, изменив что-то внутри себя.

Принципы функционирования новых медиа учитываются в политической коммуникации и являются частью современной политической культуры. Изменения в политической коммуникации дают много возможностей для политической культуры. Интернет дает возможность пользователю извлечь больше информации и получить более глубокие знания – в отличие от телевидения, которое передает политическое содержание селективно и поверхностно. Признавая это, можно утверждать, что Интернет не только средство передачи информации, но и функциональная платформа публицистики и журналистики.

Таким образом, все большее сближение традиционных средств массовой информации и Интернета рано или поздно потребует радикальных изменений в понимании медиаресурсов. Оценка этих изменений дается, как правило, на основе сравнения инструментальных параметров и основных коммуникационных свойств Интернета и традиционных средств массовой коммуникации [1, с. 53]. Кроме того, политическое влияние Интернет-общественности, которое в настоящее время рассматривается как отдельный феномен, в процессе технической конвергенции традиционных средств массовой информации и новых медиа, рано или поздно объединиться с демократическим влиянием аудитории традиционных СМИ.

Библиографический список

1. Анохин М. Г., Гришин О. Е. и др. Политика. XXI век. Инновационные технологии : монография / под общ. ред. М.Г. Анохина, В.М. Платонова, О.Е. Гришина. – М. : РУДН, 2013. – 435 с.
2. Быстрицкий А. Г. СМИ в корень // Коммерсантъ – Власть. – №3 (1108). – 26.01.2015.
3. Barber B. Starke Demokratie. Über die Teilhabe am Politischen. – Hamburg, 1994.
4. Bentivegna S. Politica e Nuove Tecnologie della Comunicazione (Politics and New Communication Technologies). – Rome : Laterza, 2002. – 176 p.
5. Fishkin J. S. Democracy and Deliberation: New Directions for Democratic Reform. – New Haven, CT: Yale University Press, 1991.
6. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. – Frankfurt am Main, 1992.
7. Pateman C. Participation and Democratic Theory. – Cambridge: Cambridge University Press, 1970.

ВИДЕОИГРЫ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Д. А. Иглин

*Студент,
Российский государственный
социальный университет,
г. Москва, Россия*

Summary. This article observes videogames as the modern technology of political communication. The use based on wide popularity of this kind of entertainment. In addition, the article observes cases of using videogames in political sphere.

Keywords: political communication; video games; technology.

Видеоигры (также известные как компьютерные игры) – это вид программ, предназначенных для развлечения человека, путём создания специального игрового процесса. На сегодняшний момент, данный вид развле-

чений стал неотъемлемой частью массовой культуры: проходят тематические выставки связанные, организуются крупные дорогостоящие рекламные компании по продаже компьютерных игр, а также осуществляются культурные мероприятия (наподобие кинематографических премий «Оскар» или «Золотой Глобус»), связанные с награждением тех или иных игр в определённых номинациях [6].

Но несмотря на то, что видеоигры стремительно набирают популярность, отношение подавляющего большинства населения всего мира всё равно остаётся достаточно скептическим, ввиду распространённого стереотипа о том, что игры создаются исключительно для детей. Однако это опровергается многими социологическими исследованиями, которые показали, что средний возраст игроков находится в промежутке от 27 до 35 лет [8]. То есть, на наш взгляд, можно утверждать, что в игры играют потенциально политически активные граждане.

Стоит также отметить, что вышеуказанные сведения позволяют взглянуть на суть и характер видеоигр по-другому. И, в первую очередь, автор статьи задаётся вопросом: а возможно ли использование игр в качестве основы (платформы) для создания новой технологии политической коммуникации, как это стало возможным в свое время с печатными средствами массовой информации и кинематографом?

Прежде чем ответить на данный вопрос важно дать понятие политической коммуникации. Эта дефиниция достаточно ёмка. Данное понятие означает комплекс мер по созданию определённого информационного канала, которое осуществляет обработку политической информации и её донесение до аудитории. Многие исследователи выдвигают различные технологии политической коммуникации, но они в своей основе отталкиваются от исследований американского учёного Г. Лассуэла, который и ввёл данный термин в политическую науку. Он утверждал, что политическая коммуникация может осуществляться посредством СМИ [5]. Эту идею продолжал развивать другой американский ученый – Д. Белл, который отмечал, что, несмотря на скептическое отношение к компьютерным технологиям, они смогут глобально повлиять на политическую сферу [3].

Мы констатируем, что исследование феномена политической коммуникации и создание первых компьютерных игр началось в США, то исходя из этого факта, можно утверждать, что в корреляции политики и игр на данный момент, лидерами являются именно американцы. Признание данного вида развлечения в качестве новой успешной технологии политической коммуникации, позволяет ответить на вопрос о том какие инновации могут быть использованы в современной политической интернет-коммуникации [1, с. 85–91].

Применение видеоигр в качестве технологии политической рекламы и агитации началось относительно недавно. В частности, таким примером является предвыборная кампания американского президента Барака Обамы

в 2008 году, когда пользователям игрового сервиса Xbox Live приходили рассылки от предвыборного штаба кандидата от Демократической партии США с просьбой участвовать в предстоящих президентских выборах [2].

В качестве примера стоит указать на то, что игры также используются в качестве повышения авторитета армии той или иной страны. Ярким образцом является серия популярных шутеров Call of Duty. В ней демонстрируется военное превосходство армии США, и американские военные представлены, как правило, в наиболее выгодном свете [4]. Также подобной технологией пользуется организация ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта), которая разрабатывает модификацию к популярной игре Grand Theft Auto: San Andreas, с целью привлечения молодёжи в свои ряды [7].

Таким образом, компьютерные игры имеют высокий потенциал в политической сфере в качестве новой современной технологии политической коммуникации для обоснования и популяризации тех или иных политических доктрин и проектов. Использование данной технологии может быть успешным в связи с высокой популярностью игр и их тесной коммуникационной связью с игроками.

Библиографический список

1. Анохин М. Г., Гришин О. Е., Атаев Т. Б. Инновации в сфере политической интернет-коммуникации: опыт США // Среднерусский вестник общественных наук. – 2013. – №4.
2. Барак Обама начал рекламироваться в компьютерных играх // Cyber Security. URL: <http://www.cybersecurity.ru/news/57088.html> (дата обращения: 17.02.2015).
3. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // infeconomy.ru. URL: <http://www.infeconomy.ru/theory/90-2010-04-07-04-50-26.html> (дата обращения: 17.02.2015).
4. Компьютерные игры на службе армии США // Playground. URL: http://www.playground.ru/blogs/other/kompyuternie_igri_na_slugbe_armii_ssha-105312/ (дата обращения: 17.02.2015).
5. Лассуэл Г. Психопатология и политика. – М. : РАГС, 2005.
6. D.I.C.E. AWARDS // D.I.C.E SUMMIT. URL: <http://www.interactive.org> (дата обращения: 17.02.2015).
7. Grand Theft Auto: ISIS? Militants reveal video game // Al Arabiya News. URL: <http://english.alarabiya.net/en/variety/2014/09/20/Grand-Theft-Auto-ISIS-Militants-reveal-video-game.html> (дата обращения: 09.02.2015).
8. Report Finds Majority of Parents View Video Games Positively, Shows Diversity of Players // ESA. URL: <http://www.theesa.com/article/report-finds-majority-parents-view-video-games-positively-shows-diversity-players/> (дата обращения: 17.02.2015).

ANALYSIS OF THE PRACTICAL FUNCTIONING OF THE PROJECT «RUSSIAN PUBLIC INITIATIVE»

N. A. Mamedova

*Candidate of economic sciences,
assistant professor,
research assistant,*

A. N. Baykova

*Moscow State University of Economics,
Statistics and Informatics, Moscow, Russia*

Summary. The article presents the results of a study of the analysis of the organization and functioning of the site "Russian public initiative" is an open platform for the creation and promotion of bills initiated by citizens. The article summarizes data for the period from the start of operation of the site on February 17, 2015. Results of the study allow us to make conclusions about the effectiveness of the site and degree of social activity in the exercise of the constitutional rights of citizens – to participate in managing state affairs.

Keywords: social initiative; public voting; social activity; the interaction of state and society.

«The Russian public initiative» (ROI) – a public website (online resource), where Russian citizens who have reached the age of 18 and who are logged by the state-supported system of identification of citizens, may nominate various civic initiatives, as well as vote for on this site community initiatives. This website was launched March 4, 2013. Posted on the site public initiatives are divided into two types:

- community initiatives implemented at the federal level;
- community initiatives implemented at the regional and municipal levels.

Posting public initiative on the site is characterized by a number of features. The direction of social initiatives carried out by filling in Russian special form on the website ROI. The text of public initiatives and documents attached to the application must not contain obscene or abusive language, threats to life or health of citizens, calls for extremist activity. A citizen, who has directed public initiative, indicates at what level (federal, regional or municipal), in his opinion, this initiative should be implemented. Before placing the initiative on the website under «Vote» initiative is being tested (independent examination), which provides a non-profit organization «Fund of Information Democracy». Placed on the site a public initiative to get the necessary support during the voting, the voting procedure duration is one year from the date of placement of public initiative on the site. The voting system is organized on the principle of «one person – one vote» and provides an opportunity for citizens to vote for the initiative as well as against it. Supported initiative is considered that within one year after its placement site was:

- at least 100 thousand votes of citizens – in support of the initiative at the federal level;

- at least 5 percent of the vote of citizens residing in the territory of the relevant subject of the Russian Federation (for the subjects of the Russian Federation with a population of over 2 million. man – no less than 100 thousand. votes of citizens residing in the territory of the relevant subject of the Russian Federation), – to support initiatives at the regional level;

- at least 5 percent of the vote of citizens residing in the territory of the municipality – in support of the initiative at the municipal level.

By a vote of initiatives that received the required number of votes shall be considered by the expert groups (the composition of which is approved by the Government of the Russian Federation) endowed with the right to recommend them for consideration and adoption of legislative and regulatory acts of the State Duma of the Russian Federation and other authorized bodies. The object of the research is public initiatives at the federal level on this site ROI since 2013. The study obtained and analyzed the following data (Fig. 1).

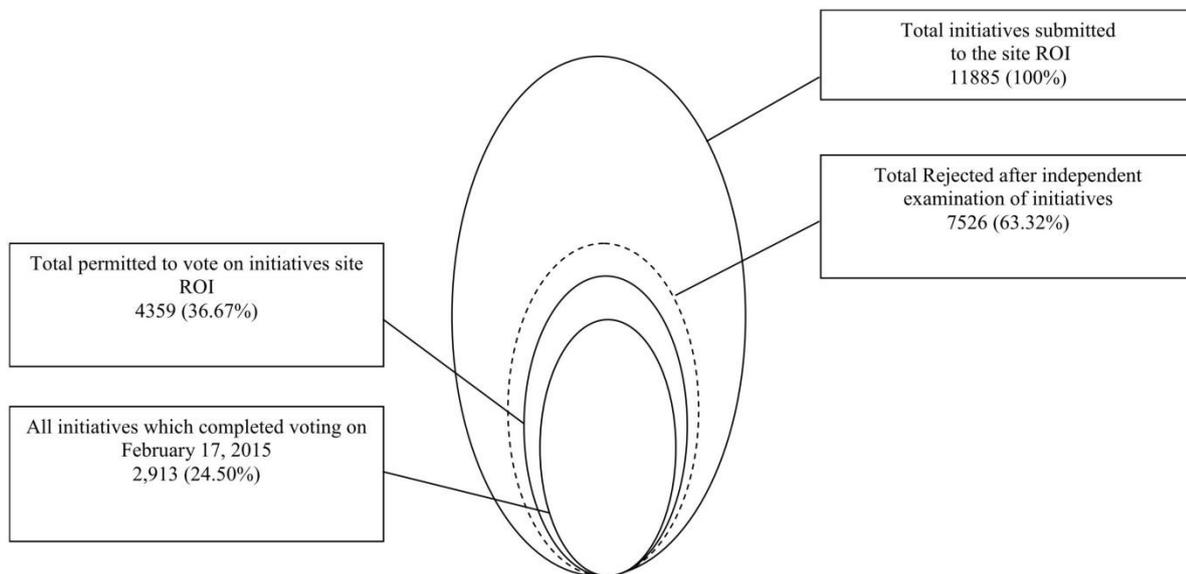

Figure 1. Summary data on initiatives at the federal level

From 2013 the site received 11885 initiatives at the federal level, including:

- reject – 7526 initiatives, the foundation – negative independent examination conducted by a non-profit organization "Fund of Information Democracy";
- placed – 1446 initiatives, the current status – available for voting (positive independent examination);

Voting is completed by 2913 initiatives at the federal level (data as of February 17, 2015). For the rest posted on the website initiatives voting continues as specified voting period at the time of the study has not been completed. If a public initiative passed an independent examination, has been posted on the site in order to vote and has not been withdrawn citizen initiating placement of public initiative, the following results of the placement:

- initiative gained the required number of votes (for ongoing research voice threshold is 100 thousand votes);
- initiative received the required number of votes, the vote was terminated because until the end of voting, the competent authorities have taken legal acts, to settle the issue, which is the essence of public seating initiative;
- initiative received the required number of votes after the expiry of the vote.

The required number of votes (in accordance with a first embodiment) of the 4359 initiatives scored 6 initiatives, which means that they have overcome the threshold of voting in 100,000 votes:

- Initiative number 77F759 Prohibition officials and employees of companies with a state (municipal) involving purchase cars worth more than 1.5 million rubles;
- Initiative number 77F1016 My house – my fortress!
- Initiative number 77F636 Cancellation rights priority directions of all vehicles except automobiles operational services;
- Initiative number 50F4494 Cancel Act arbitrary blocking Internet resources from 02.07.2013 № 187-FZ (the law against Internet);
- Initiative number 58F6536 initiative against the imposition of additional taxes on the purchase of foreign online stores, as well as against a decline of customs limit of 1,000 Euros for the purchase of goods for personal use;
- Initiative number 77F9376 on criminal liability for illicit enrichment of officials and other persons required to provide information about their income and expenses.

For each of the first five of the listed initiatives (data as of February 17, 2015) were issued positive expert opinion, which presents possible ways and mechanisms for the implementation of each specific issue initiatives. The latest initiative has been allocated to the expert group.

Further, on a number of outstanding and available for voting initiatives have been adopted regulatory legal act to resolve the issue of the initiative. The adoption of relevant legal act that implements hosted public initiative before the expiry of the vote on the initiative stops voting procedure on the site. For this reason, a number of initiatives did not receive the required number of positive votes. More information (including the authority makes a normative legal act) is on the page specific initiatives. For example, the Initiative 77F3338 Statement of vehicle registration in the traffic police, deregistration, the issuance of state registration numbers and other actions should be carried out for 1 hour, was adopted the corresponding order the Russian Interior Ministry. The initiative was available for voting from 20 June 2013 and August 7, 2013 Order «On approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the provision of public services in the registration of motor vehicles and their trailers» of the Ministry of Internal Affairs was adopt-

ed. In this regard, a further vote on the initiative and its consideration did not seem appropriate. Other grounds for the completion of the voting procedure were not.

As of February 17, 2015, data were obtained on the number of available voting and initiatives implemented (Fig. 2).

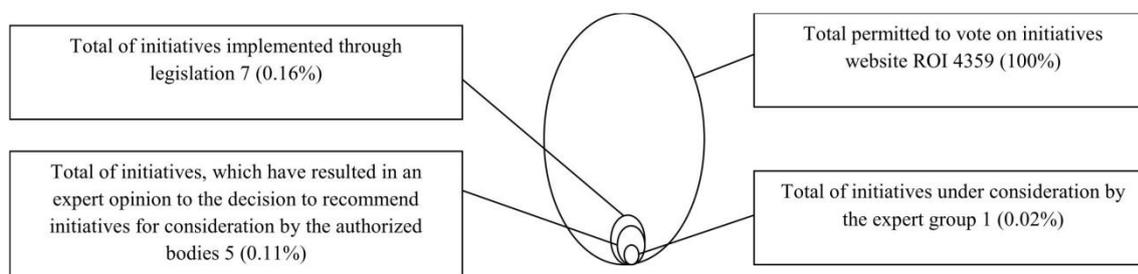

Figure 2. Summary data on initiatives implemented at the federal level

Analysis of the available data showed that public initiatives were taken the following decisions:

- 7 initiatives, representing 0.16 % of the issued and available for voting initiatives implemented through legislation (federal laws and orders of the Ministry of Interior of the Russian Federation);
- 5 initiatives, representing 0.11 % of the issued and available for voting initiatives, expert opinion was issued with the decision to recommend initiatives for consideration by the authority;
- 1 initiative is under consideration by the expert group.

The data obtained in the course of the study allow us to establish the fact that the project «Russian public initiative» is characterized as a highly organized, public, affordable and high-quality project. However, the extent of its effectiveness as a resource that accumulates the legislative activity of the citizens is negligible. The reason for the low efficiency of the site presumably is a lack of activity, awareness and insufficient legal literacy of citizens. As a consequence, there is a small number of initiatives to recruit the necessary number of votes, which is 0.05 % of the 11885 cast of initiatives and a significant number of initiatives that have been rejected by the results of an independent examination, which is 63.32 % of the number of submitted initiatives. Until legislative registration no initiative has not reached yet.

Bibliography

1. Slesarchuk O. M. Current status of the information sphere of Russia // Proceedings RSPU. A.I. Herzen. – 2009. – № 93. – P. 143–146.
2. Nosov S. I. Problems of increasing legal consciousness in Russia // Law and modern state. – 2013. – № 3. – P. 21–24.

3. Herman M. V. The professional level of the individual, it changes and formation conditions in the context of the transformation processes taking place in society // Herald. Tom. state. Univ. – 2007. – № 298. – P. 135–138.
4. Krupenkov V. V., Mamedova N. A., Melnikov A. A., Krivova T. A. State and municipal management: a tutorial. – M. : Publishing house: Eurasian Open Institute, 2012. – 336 p.

IV. SOCIAL AND POLITICAL ASPECTS OF INTERETHNIC, RELIGIOUS AND REGIONAL RELATIONS

Миграция в контексте глобальных демографических и социальных процессов

Т. М. Бормотова

*Кандидат социологических наук,
Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России,
г. Москва, Россия*

Summary. The author proposes to consider migration as a contradictory phenomenon and objective reality, constantly carrying with them the risks to the public, as it brings different ethnic and cultural elements.

Keywords: migration activity; mobility; economic migration; ethnic and cultural elements; intense immigration.

По мнению ученых, миграция – это человеческие течения, имеющие сезонный, исторический, локальный, глобальный, ситуативный и иной характер или, как выражаются специалисты, своеобразный антропоток.

В глобальном смысле миграция в целом знаменует собой демографический (планетарный) переход человечества в ближайшей исторической перспективе к стабилизации численности населения во всем мире, а возможно даже и к спаду. Мировая история знала несколько крупных перемещений человечества, вызванных объективными демографическими и социальными процессами, таких как: Великое переселение народов, масштабные завоевания и движения народов внутри Великих государств и империй, колонизация и ее социально-демографические последствия в мировом масштабе (движение населения метрополий в колонии и откат колонизационных потоков, так называемая «возвратная волна»), создание новых переселенческих государств (США, Австралия, ЮАР и пр.), современные многочисленные беженцы и вынужденные мигранты из зон стихийных бедствий и военных конфликтов, небывалый рост миграционной активности населения в современном глобализирующемся мире и особенно вынужденной, трудовой и нелегальной. С развитием процессов глобализации, характеризующихся усилением взаимозависимости государств, углубляются и международная специализация и кооперация в сфере производства, что мотивирует «...увеличение потоков трудовой миграции и между развитыми странами» [1, с. 176].

В цивилизационном смысле современная миграция завершает «фазовый переход» мира от одного периода развития – к другому, от архаично-

го, традиционного, который характеризует страны Востока, – к индустриальному и постиндустриальному, воплощением чего являются страны Запада. Как свидетельствует исторический опыт, подобного рода переходы сопровождаются кризисами и обострениями. На наш взгляд, предсказуемость миграционных процессов, основанная на знании законов общественного функционирования и развития, совсем не очевидна. Трудность заключается в том, что «...законы общественного развития есть законы развития людей, обладающих сознанием и волей, а не лишенных сознания существ» [2, с. 43].

В собственно социальном смысле миграция есть проявление социальных изменений, социальной динамики, социальной мобильности населения [3]. Сама мобильность выступает как средство сохранения или повышения социального статуса, что служит мощным стимулом, ведущим мотивом перемещения людских потоков. Поскольку для определенных территорий и народов единственной возможностью изменения социального статуса является пространственное перемещение, миграция становится процессом переноса идентичностей с их неизбежной дальнейшей сменой, что становится драматическим моментом для перемещающихся народов, поскольку это сопровождается конфликтами, потрясениями и т. п.

Экономический смысл миграции был раскрыт еще классиками политэкономии и выражен ими в краткой формуле «население следует за капиталом», поскольку одним из наиболее сильных факторов миграционной мобильности является удовлетворение потребности в экономическом благополучии. Мотивами экономической миграции являются поиск более благоприятных условий для социальной самореализации, возможности занятия бизнесом, обеспечения лучших перспектив для семьи, особенно для детей.

С другой стороны экономический рост никогда не происходит на фоне сжатия демографической базы. Экономика индустриально развитых страны нуждается в притоке трудовых ресурсов. Даже в постиндустриальных обществах велика потребность в привлечении неквалифицированного труда, поскольку и экономика и быт очень зависят от импорта рабочей силы. Отсюда масштабное перемещение населения развивающихся стран в благополучные в экономическом отношении страны является одновременно неизбежностью и необходимостью.

С этой точки зрения миграцию следует рассматривать как проявление противоречия между историческим Центром и периферией, Севером и Югом, а раньше городом и деревней.

Таким образом, масштабная долговременная миграция – это объективная реальность, с которой современным государствам, втянутым в этот процесс, придется иметь дело в ближайшей перспективе. В тоже время специалисты указывают на то важное обстоятельство, что масштабная иммиграция несет с собой общественные риски, поскольку она привносит в

страну иной этнический и культурный элемент. Подобные «вторжения», как показывает опыт многих стран, достаточно болезненны.

Среди других негативных моментов, сопровождающих возрастание иммиграционных процессов, отмечается также неизбежное обострение отношений между странами, находящимися в фазе понижения демографического потенциала и странами «демографического взрыва».

В тоже время в долгосрочной перспективе процесс миграции рассматривается как положительное явление, поскольку последняя способствует повышению значимости человеческого капитала, способствует ускорению горизонтальной и вертикальной мобильности, другими словами служат средством улучшения «кровообращения человечества».

Более конкретно отмечается, что массовые территориальные перемещения способствуют изменению социально-психологических характеристик людей, расширению их кругозора, накоплению знания о различных областях жизни, обмену трудовыми навыками и производственным опытом, развитию личности, ее материальных, социальных и духовных потребностей, взаимообогащения национальных культур. Кроме того, более подвижное население, как правило, бывает и социально более активным. В чисто демографическом отношении, миграция не только увеличивает численность населения отдельных территорий, но и опосредованно влияет на динамику демографических процессов, ибо мигранты, как наиболее молодые по возрасту, участвуют в воспроизводстве населения.

Библиографический список

1. Демография : учебное пособие / под ред. проф. В. Г. Глушковой и Ю. А. Симагина. – М. : КНОРУС, 2008. С. 176.
2. Социология практики: методологические проблемы / под ред. В. Я. Ельмеева. – СПб, 1994. – С. 43.
3. Юдина Т. Н. Миграция: словарь основных терминов : учеб. пособие. – М. : Изд-во РГСУ; Академический Проект, 2007.

ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

К. А. Лыткина

*Аспирант,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия*

Summary. In this article we present results of the study of characteristics of electoral culture of the population of the city of Moscow that was held from 10 to 24 of November 2014. We

explore existing approaches to the interpretation of the concept of «electoral culture» and present the author's definition. Results of the study are provided in accordance with the basic elements of the methodology. Finally, we attempt to describe several styles of voting that will allow to define the boundaries of different models of electoral culture.

Keywords: electoral culture; elections; voting process; mass survey; sample; voting activeness; Moscow; voter's turnout; electorate.

В настоящее время в сфере социально-политических наук наблюдается рост интереса к изучению феномена электоральной культуры. В научной среде данный термин появился в середине 1990-х годов; на сегодняшний день сформированы различные подходы к его определению. Так, например, существует мнение, что электоральная культура может рассматриваться в качестве системы «рациональных (знания, убеждения, осознанные предпочтения) и иррациональных (эмоциональный настрой, неосознанные глубинные мотивы эмоционального выбора) ориентаций и предпочтений избирателей, а также норм, правил и традиций, регулирующих электоральный процесс в обществе» [2, с. 20]. Иная позиция состоит в том, что электоральная культура – это «совокупность норм и образцов, обеспечивающих воспроизводство электоральной деятельности – системы процедур, обеспечивающих, в свою очередь, процесс воспроизводства выборных органов политической власти» [3, с. 13]. Кроме того, Ю. А. Веденеев выделяет два ракурса рассмотрения электоральной культуры: в широком смысле – это культура государственного и политического строительства, правоприменительной деятельности в контексте избирательного законодательства; в узком же смысле под электоральной культурой понимается культура участия граждан в электоральном процессе [1, с. 35].

Для проведения исследования электоральной культуры населения города Москвы, мы использовали авторскую трактовку данного термина, сформулированную с учетом указанных выше определений. По нашему мнению, электоральную культуру можно определить как относительно устойчивый стиль участия в избирательном процессе, обусловленный субъективным восприятием и индивидуальной интерпретацией объективно существующей избирательной практики населением.

Отметим, что значимость данной темы заключается в том, что на сегодняшний день объем научных работ, посвящённых электоральной культуре, невелик, а информация, содержащаяся в них, зачастую недостаточно комплексна и основывается на данных, требующих актуализации. В большинстве материалов внимание исследователей сконцентрировано либо на философских основаниях электоральной культуры, либо на специфике изучения её особенностей в отдельных регионах. При этом в открытом доступе практически не представлены не только научные работы, но и общие эмпирически проверенные, верифицированные сведения о том, какие особенности присущи электоральной культуре избирателей города Москвы.

Целью нашей работы стало восполнение данного пробела научного знания. Поскольку в настоящее время общеупотребимой и проверенной методики изучения электоральной культуры не разработано, нами было принято решение синтезировать имеющиеся наработки отечественных и зарубежных авторов в данной области, максимально адаптировав их к цели создания опросного диагностического инструментария, применимого для анализа особенностей электоральной культуры населения столицы.

Исследование проводилось нами в форме массового уличного опроса, для которого была составлена и предварительно апробирована достаточно компактная анкета, позволяющая комплексно проанализировать особенности электоральной культуры москвичей. Её вопросы были отнесены к нескольким блокам: определения уровня электоральной компетентности участников исследования; оценки уровня избирательной активности респондентов и степени выраженности конкретных её форм; анализа ценностных ориентаций, электоральных предпочтений участников опроса, и выявления стереотипных схем интерпретации событий, связанных с выборами.

Исследование проходило в период с 10 по 24 ноября 2014 года в московских районах Братеево, Восточное Измайлово и Гагаринский. Их выбор основан на авторском анализе показателей явки и распределения голосов, отданных за провластного или оппозиционного кандидата (партию) во всех районах Москвы по итогам девяти выборов различного уровня, проведенных в период с 1999 по 2014 годы. Нами были выделены три различные модели голосования, которые могут быть условно обозначены как «оппозиционная» (яркий представитель – Гагаринский район), «провластная» (ей соответствует район Братеево) и «нейтральная» (к которой нами был отнесен район Восточное Измайлово).

Для формирования репрезентативной выборки в каждом районе были использованы соответствующие данные, основанные на результатах Всероссийской переписи населения 2010 года [4]. Общий объем выборки составил 360 человек: по 120 респондентов от каждого района; тип выборки – квотный, критерии формирования квотных групп – пол и возраст.

Результаты обработки материалов исследования с группировкой по вопросам анкеты представлены далее. Важно отметить, что статистически значимых взаимосвязей уровня доходов участника опроса и его пола с ответами на вопросы анкеты практически не выявлено, поэтому соответствующие данные в настоящей статье представлены не будут.

Первый вопрос анкеты был посвящён оценке субъективного восприятия респондентами частоты своего участия в выборах – опрашиваемому предлагалось указать, голосует ли он обычно на выборах или нет, указав один из вариантов: «всегда», «иногда», «редко», «никогда». Важно отметить, что субъективное завышение своей явки избирателями – достаточно распространенное явление в практике исследований, посвященных электоральному поведению.

Представители всех районов дали практически одинаковые ответы на данный вопрос: в большинстве случаев они отвечали, что ходят на выборы «иногда» (Братеево – 40 %, Восточное Измайлово – 39 %, Гагаринский – 37,5 %) или «всегда» (Братеево – 29%, Восточное Измайлово – 34 %, Гагаринский – 31,7 %). «Никогда» не голосуют 8,3 % опрошенных из Гагаринского района, 8 % респондентов из района Восточное Измайлово, 8 % – из района Братеево. Умеренный вариант «редко» выбрали 20 % представителей Братеева, 19 % – Восточного Измайлова, 22,5 % – Гагаринского района.

Далее в анкете респонденту необходимо было выбрать одно, наиболее близкое ему, утверждение:

1. России как воздух нужны перемены.
2. Стабильность власти – залог процветания России.
3. Какая разница, кто у власти? На мою жизнь это не влияет.

Высказывания были сформулированы так, чтобы отразить диапазон возможной оценки участником исследования актуальной ситуации в стране.

Первый вариант ответа наиболее популярен у представителей Гагаринского района – 33 % в сравнении с 20 % в Восточном Измайлове и 19 % – в Братееве.

Второе утверждение чаще других выбирали респонденты из районов Восточное Измайлово (54 %) и Братеево (52 %). При этом жители Гагаринского района в меньшей степени склонны считать стабильность власти залогом процветания России (42 %).

Доля респондентов, выбравших третье утверждение, в каждом из районов, следующая: Братеево – 29 %, Восточное Измайлово – 26 %, Гагаринский район – 25 %.

Анализируя ответы участников исследования на данный вопрос, можно утверждать, что наименьшую удовлетворенность положением дел в стране проявляют представители Гагаринского района; при этом они реже всего проявляют безразличие к тому, кто находится у власти.

Выявлению ассоциаций респондентов со словом «выборы» был посвящён третий вопрос анкеты: опрашиваемый мог дать на него любой ответ. Для статистической обработки информации все названные участниками опроса ассоциации были сгруппированы в 7 категорий: 1) ассоциации связанные с процедурой голосования («избирательная урна», «бюллетень», «галочка» и т. д.); 2) ассоциации, связанные с конкретными участниками выборов (Путин, «Единая Россия», КПРФ и т.д.); 3) ассоциации, связанные с общими, институциональными аспектами выборов («демократия», «власть», «политика» и т.д.); 4) ассоциации, демонстрирующие позитивное, ответственное восприятие респондентом выборов («гражданский долг», «власть достойна уважения», «ответственное решение» и т. д.); 5) ассоциации, демонстрирующие негативное восприятие респондентом

выборов («заколебали», «обман», «грязь» и т. д.); 6) ассоциации, связанные с второстепенными событиями, не имеющими непосредственного отношения к содержательной стороне выборов («воскресенье», «пирожки», «школа» и т. д.); 7) отсутствие ассоциаций («ничего», «ни с чем» и т. д.).

Представители районов Братеево и Восточное Измайлово в большинстве случаев затруднялись называть какие-либо ассоциации (34,2 % и 27,5 % соответственно) или демонстрировали негативное отношение к выборам (27,5 % и 22,5 % ответов). В Гагаринском районе наиболее популярны ассоциации, описывающие процедуру выборов (34 %) или характеризующие ответственное отношение респондента к ним (22 %). Никаких ассоциаций не вызывает это слово только у 8 % опрошенных из Гагаринского района.

В анкету был включен также вопрос о том, считает ли себя респондент сторонником какой-либо политической силы (партии, движения, лидера и др.). Возможные варианты ответа: «да», «нет», «не задумывался об этом», в случае положительного ответа конкретизации не требовалось.

Значительная часть всех опрошенных не ассоциирует себя с какой-либо политической силой – ответ «нет» выбрали 47 % респондентов Братеева, 44 % – Гагаринского района, 39 % – Восточного Измайлова. Сторонниками же называют себя 37 % участников исследования из района Восточное Измайлово, 29 % – из района Братеево, 28 % – из Гагаринского района.

Далее в опроснике респонденту предлагалось выбрать, кто представляет его интересы в большей степени: «власть», «оппозиция» или «никто».

66 % опрошенных из Восточного Измайлова и 64 % – из Братеева полагают, что их интересы представляет власть, 9 % и 5 % соответственно – оппозиция. Жители Гагаринского района демонстрируют существенно более низкий уровень собственной представленности – 55 % полагают, что их интересы не представляет никто, 41 % – власть, только 4 % – оппозиция.

Шестой вопрос анкеты был направлен на оценку того, влиянию каких факторов респонденты склонны приписывать успех кандидата на выборах. Для каждого района в опросник был включен победитель в соответствующем избирательном округе на выборах в Московскую городскую думу 2014 года. Участники опроса могли выбрать один из шести вариантов или предложить собственный.

Победу К. Щитова в районе Братеево чаще всего связывают с тем, что он – «представитель партии власти» (35,8 %), и только один респондент отметил, что он – представитель оппозиции (К. Щитов – член «Единой России»). 23,3 % жителей Братеева выбрали вариант ответа «выборы были фальсифицированы», качество программы и близость избирателям К. Щитова отметили 15 % и 11 % респондентов соответственно.

В районе Восточное Измайлово в качестве причин победы И. Назаровой чаще всего назывались «приятна избирателям как человек» (26 %) и «предложила лучшую программу» (23 %). Почти одинаковое количество

опрошенных выбрали ответы «результаты были фальсифицированы», «не было альтернатив» и «представитель партии власти» (16 %, 16 %, 15 % соответственно).

Жители Гагаринского района отмечают, что успех Н. Губенко связан с тем, что он «приятен избирателям как человек» (37,5 %). 15 % и 14,2 % опрошенных связывают его победу с отсутствием альтернатив и фальсификацией результатов. Интересно, что 10% анкетированных из Гагаринского района рассматривают Н. Губенко в качестве представителя партии власти, а тот факт, что он был выдвинут Коммунистической партией Российской Федерации, и, следовательно, является представителем оппозиции, отметил лишь один респондент.

В седьмом вопросе анкетированные должны были указать, готовы ли они участвовать в избирательной кампании понравившегося кандидата (партии), выбрав вариант «да», «нет» или «не задумывался об этом».

Участники исследования в целом демонстрируют довольно низкий уровень готовности к участию в кампании: вариант ответа «нет» является самым популярным во всех районах (55,8 % в Братееве, 40 % – в Восточном Измайлове, 39,2 % – в Гагаринском). Возможным участие в кампании для себя находят 36 % опрошенных из Восточного Измайлова, что существенно больше, чем в Гагаринском районе (23,3 %) и Братееве (17,5 %)

Не задумывались о возможности деятельной поддержки кандидата в предвыборный период 37,5 % респондентов из Гагаринского района, 26,7 % – из Братеева и 24 % – из Восточного Измайлова.

В вопросе 8 мы интересовались тем, каким источникам информации участники опроса доверяют в наибольшей степени. Варианты ответов включали в себя как традиционные СМИ, так и новостные Интернет-сайты, социальные сети и блоги.

Наибольшее доверие участники исследования проявляют к телевидению (43 % в районе Братеево, 33 % – в районе Восточное Измайлово, 27 % – в Гагаринском районе), газетам и журналам (25 % в Восточном Измайлове и 18 % в Братееве и Гагаринском). Спецификой последнего района является довольно высокий уровень доверия к радио (19 %) и недоверия к получаемой информации из любых источников (15 % против 5 % – Братееве и 1 % – в Восточном Измайлове).

Последний вопрос анкеты (за исключением вопросов блока социально-демографических характеристик) был посвящён тому, кто из современных политиков является авторитетным для респондентов: опрашиваемый мог назвать несколько вариантов ответа.

Чаще всего анкетированные упоминали Президента России В. В. Путина – его фамилия указана в 48,5 % ответов представителей района Братеево, 32,6 % – района Восточное Измайлово и 29,2 % – Гагаринского района. На втором по популярности (а для Гагаринского района – на первом) –

вариант ответа «никто»: 31,7 % ответов в Гагаринском районе, 31 % – в Братееве и Восточном Измайлове.

Значимым для анализа является также показатель вариативности данных опрашиваемыми ответов – он косвенно свидетельствует о степени их информированности о политических деятелях современности, уровне интереса к выборам и политическим процессам. Наибольшее количество различных фамилий при ответе на данный вопрос назвали респонденты из Гагаринского района – 20 (против 12 – в Братееве и 9 – в Восточном Измайлове, с учетом варианта ответа «никто»). Чаще всего участники опроса упоминают отечественных политических деятелей; зарубежных политиков (напр. Б. Обама, Дж. Буш-младший, Н. Саркози) чаще всего называли представители Гагаринского района.

Обобщая сказанное выше, мы считаем необходимым отметить, что проведенное исследование в целом подтверждает справедливость выделения нами отдельных моделей голосования. Они находят себе подтверждение в ответах респондентов, и, по всей видимости, могут применяться при формировании общих границ различных типов электоральной культуры. Например, пессимизм в оценке текущего положения дел в стране и слабое ощущение представленности собственных интересов вкупе с довольно ответственным отношением к процедуре выборов и неплохой осведомленностью об участниках политического процесса, характерные для жителей Гагаринского района, характеризуют «оппозиционную» электоральную культуру. В свою очередь, умеренно ограниченное восприятие выборов и высокий уровень поддержки «кандидатов от власти» при активном неприятии представителей оппозиции в широком понимании этого термина определяет черты «провластной» электоральной культуры района Братеево. А активность представителей Восточного Измайлова по отдельным показателям (субъективное ощущение явки, готовность участвовать в избирательной кампании понравившегося кандидата, ощущение представленности интересов), будучи достаточно разнонаправленной (высокий авторитет В. В. Жириновского и Г. А. Зюганова; ассоциации с выборами, не связанные с их содержанием или какой-либо оценкой со стороны респондента), предопределяет «умеренность» типа его электоральной культуры.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, мы можем констатировать уместность рассмотрения устойчивой специфики участия в избирательном процессе представителей различных районов города Москвы в контексте их электоральной культуры.

Библиографический список

1. Веденеев Ю. А. Политическая демократия и электорально-правовая культура граждан // Государство и право. – М. : Наука, 1997, № 2. – С. 33–38.
2. Логинова А. М. Формирование и развитие российской электоральной культуры : дис. ... канд. полит. наук. – Москва, 2004. – 138 с.

3. Сутырин В.В. Электоральная культура: теоретико-методологический аспект : дис. ... канд. полит. Наук. – Москва, 2013. – 208 с.
4. Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. Том 1. URL:
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.html (дата обращения: 26.02.2015)

АРКТИКА СОЦИАЛЬНАЯ: К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА И ТРАДИЦИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Е. Г. Маклашова

*Кандидат политических наук,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН, г. Якутск,
Республики Саха (Якутия), Россия*

Summary. The article presents the sociological data on the operation languages such as Russian, Yakut and languages of indigenous peoples in the Arctic among young people. There is the ratio of youth to preserve national traditions in ethnic slice. The author establishes that youth of indigenous peoples of Yakutia is maintaining its ethnic identity, although they consider that Yakut language is theirs native language.

Keywords: indigenous peoples of Yakutia; languages; traditions; ethnic identity.

Арктика – территория культурного и языкового многообразия, сохраняющая уникальность и традиционный образ жизни коренного населения. Одними из привлекательных регионов Арктики, в плане самобытности и научной содержательности, остаются арктические районы Якутии. В настоящее время в состав Арктической зоны Российской Федерации от Республики Саха (Якутия) включены пять ее районов: Анабарский, Аллаиховский, Булунский, Нижнеколымский и Усть-Янский районы. Каждый район имеет свой неповторимый колорит, сложившийся в результате длительных исторических и сложных культурных процессов, проявляющийся в обыденной жизни населения. Сегодня в арктических районах, можно сказать, происходит ревитализация этнического самосознания, что обусловлено, прежде всего, политическими факторами, а также разработкой и внедрением мер по сохранению культур и языков коренных малочисленных народов Севера как на федеральном уровне, так и республиканском.

В данной статье акцентируется внимание на социокультурной ситуации в Арктике в молодежном срезе. Обращение к данной тематике обусловлено не только местом и ролью молодежи в социальном развитии страны, проблемой гармонизацией социокультурного развития, но и актуализацией вопросов сохранения «циркумполярной цивилизации» и адаптации коренных народов к новым социально-экономическим условиям [см. подробнее 1,

2, 3, 4]. Социальное положение и воззрения молодежи, по сути, являются показателями реализации современных мер по развитию культурного многообразия и сохранению языков народов России, а также степени преемственности и передачи опыта и знаний от поколения к поколению.

Настоящее исследование исходит из конструктивистских позиций в отношении общественного развития, а основным методом изучения выступил количественный метод. Территориальные рамки: Аллаиховский, Анабарский и Усть-Янский районы Якутии.

Выборка:

	Усть-Янский район (в %)	Анабарский район (в %)	Аллаиховский район (в %)
Пол			
Мужской	45,1	47,1	43,1
Женский	54,9	52,9	56,9
Возраст			
14-17	21,6	24,5	27,5
18-24	28,4	41,2	40,2
25-30	50,0	34,3	32,4
Национальность			
Русский	14,7	-	19,8
Саха	55,9	32,7	38,6
КМНС	21,6	62,4	21,8
Другой нац.	2,9	1,0	1,0
Смешанной нац.	4,9	4,0	18,8
Общее кол.	102 чел.	102 чел.	102 чел.

Одним из важных маркеров этничности является язык. Язык выступает идентификатором принадлежности личности к определенной культуре, этнической общности.

В анкете мы попросили ответить на вопрос: «Какой(ие) язык(и) вы считаете родным(и)?». Рассмотрим данные анализа через этнический и лингвистический срез. Выявлено, что среди молодежи русской национальности говорящих на русском 87,5 % (при этом не ответивших составило 11,4 %), билингов среди молодежи русской национальности не нашлось. Один опрошенный, по национальности русский, определил своим родным языком якутский.

Языковая ситуация среди молодежи якутской национальности выглядит следующим образом: так 65,1 % молодежи якутской национальности определили родной язык якутский, 7,8 % – русский. Среди якутской молодежи выделяется группа билингов, так 7,8 % опрошенных определили родными языками русский и якутский.

Молодежь, идентифицирующая себя как представители коренных малочисленных народов Севера (далее КМНС), определила своим родным

языком, прежде всего, якутский – 51,4 % опрошенных, и лишь 5,6 % – русский. Среди них билингвами считают себя не большое количество человек. Так родными языками якутский и русский определили 7,5 % опрошенных, якутский и язык КМНС – 6,5 %.

Если в совокупности посчитать процент определивших себя билингвами, то показатель у представителей КМНС по билингвизму будет практически в два раза больше, чем у представителей молодежи якутской национальности.

Для молодежи, определившей себя как представители смешанной национальности, основным родным языком является русский – 50,0 % опрошенных, затем якутский – 14,3 %, русский и якутский – 7,1 %, якутский и языки КМНС – 7,1 %. Как видно из данных, представители смешанной национальности, также как и представители КМНС, имеют большую склонность к билингвизму, чем представители якутской и русской национальности.

Молодежи было предложено ответить на вопросы о соблюдении в семье национальных традиций и о необходимости их сохранения и соблюдения в наши дни. Нами были получены следующие распределения, которые отражены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1.

**Распределение ответов на вопрос:
«В вашей семье соблюдаются ли какие-либо национальные традиции и обряды?»
(в % от общего количества ответивших)**

	Русские	Якуты	КМНС	Смешанной национальности
Да	5,0	22,2	21,2	4,3
Нет	6,7	19,8	14	5,1

Таблица 2.

**Распределение ответов на вопрос:
«Нужны ли национальные обряды и традиции в современной обыденной жизни?»
(в % от общего количества ответивших)**

	Да нужны, их необходимо знать и соблюдать	Обряды и традиции нужны, но соблюдать их в семье не обязательно	Нет, не нужны, только для истории
Русские	3,0	4,7	4,0
Якуты	17,4	19,7	5,4
КМНС	16,7	15,1	3,0
Смешанной нац.	2,3	5,4	1,7

Данные таблиц 1 и 2 демонстрируют, что молодежь, идентифицирующая себя с этническими группами, относящимися к коренным народам Якутии, более склонна к сохранению и передачи культуры и традиций своего народа.

Вместо заключения. В условиях полиэтничности при численном и политическом доминировании определенных этнических групп, культура и язык доминирующих групп будет иметь более широкую область распространения и применения, степень поддержки и развития, уровень влияния в обществе. Так, молодежь, которая определяет себя как русской национальности, а свой родной язык – русский, имеющий высокий политический статус в РФ и широкую область распространения, но проживающая на территории национального субъекта РФ не проявляет интерес к изучению языков коренных народов Якутии, имеющих более узкий спектр применения. Кроме того у молодежи русской национальности, проживающей в Арктике, проявляется некоторая отчужденность от поддержания и сохранения традиций и обрядов своего этноса.

Молодежь якутской национальности большое значение придает сохранению своего языка. Наиболее сложная ситуация с этническими группами полиэтничного государства, которые имеют малую численность и малую область распространения своего родного языка и культуры в общественной жизни. Более того, необходимо отметить, что национальная политика, проводившаяся в советское время оказала неоднозначное влияние на языковые процессы у представителей КМНС. В результате реформирования национальной политики в стране, внедрения программ по сохранению культур и языков КМНС идет трансформация места и роли малых этносов. Так, несмотря на то, что большая часть молодежи КМНС склонна считать своим родным языком якутский, имеющих более высокий уровень влияния, нежели язык предков, в тоже время, осознает важность сохранения культуры и языков своего народа, передачи их будущему поколению. В этой связи стоит согласиться с тем, что в условиях бурного межэтнического обмена, при отсутствии специальных государственных мер по регулированию языковыми процессами, сфер их использования в наиболее уязвимом положении находятся миноритарные языки. В тоже время наблюдается тенденция к этнической идентификации основанной не на знании родного языка, существование которого порой находится в критическом положении, а на сохранении национальных обрядов и традиций, имеющих более адаптивный механизм. В этой связи необходимо более глубокое изучение соотношения языка, традиций и этнического самосознания для понимания современных этнокультурных процессов в Арктике.

Библиографический список

1. Астахова И. С. Власть и коренные малочисленные народы Севера: опыт взаимодействия например Республики Саха (Якутия) // Арктика и Север. – 2011. – № 3. – С. 88–95.
2. Осипова О. В. Героический эпос как элемент этнической идентификации саха: оценка в общественном мнении. // Арктика и Север. – 2011. – №4. URL: http://www.narfu.ru/aan/article_index_years.php?ELEMENT_ID=23552 (дата обращения 25.09.2012).
3. Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) / С. М. Байшева, Р. И. Донской, Т. Н. Константинова, П. В. Сосин, П. З. Тобуков, А. Г. Томаска. – Новосибирск : Наука, 2012.
4. Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы / В. Б. Игнатьева, С. В. Абрамова, А. А. Павлов и др. – Новосибирск : Наука, 2000.

РОССИЙСКОЕ МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ: АВТОРИТАРНЫЕ И КОНСЕРВАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Ф. Ф. Саетгалиева

*Кандидат философских наук, доцент,
Казанский государственный
аграрный университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия*

Summary. Russian mass consciousness for the last two and a half decades has undergone significant changes. There was a transformation of the values of Russian society in the direction of authoritarianism and conservatism.

You must use all the best of the heritage of conservative ideology, to build sustainable national and spiritual foundations.

Keywords: mass consciousness; authoritarian and konservativen trends; traditional dulunya zeinati; pride; patriotism.

Российское массовое сознание за последние два с половиной десятилетия претерпело существенные изменения. За годы демократического транзита в России произошли кардинальные социально-экономические и политические трансформации: появились рыночная экономика, конкурентная демократия, многопартийная система, средний класс. Все эти перемены обусловили сдвиги в системе ценностных ориентаций россиян в направлении демократии.

Однако затянувшаяся политическая и экономическая нестабильность, массовое обнищание населения, резкое социальное расслоение, слабость власти вскоре вызвали разочарование большинства российских граждан в эффективности демократических институтов. Стало очевидным, что западноевропейские стандарты демократии, перенесенные на россий-

скую почву, или не работают, или дают непредвиденные результаты, поскольку не соответствуют базовым принципам социальной организации нашей страны, не учитывают ее исторические, культурные традиции. Кризис 90-х годов был преодолен благодаря критическому переосмыслению западных заимствований и взятому курсу на пропаганду традиционных духовных ценностей, особой русской идентичности. В результате, начиная с 2000-х годов, в российском массовом сознании все отчетливее стали проявляться авторитарные и консервативные тенденции: значительная часть россиян стали сторонниками режима «жесткой руки». Угроза террористических актов, неуверенность в завтрашнем дне, высокий уровень коррупции, неэффективность власти способствовали актуализации консервативной идеи сильного государства, или державности.

Как известно, в России всегда существовало особо ценностное отношение к государству-державе, обеспечивающему национальную консолидацию. Державно-государственная идентификация является частью национального характера и менталитета россиян. В отечественной публицистике державность нередко противопоставляется демократии. В действительности же правильно понятые державность и демократия вовсе не исключают, а взаимно предполагают друг друга. Истинные свобода, демократия и права всех граждан отнюдь не противоречат идее и принципам государственности. Но государство не должно вмешиваться в те сферы, которые входят в компетенцию гражданского общества. Иначе говоря, следует избегать как переоценки, так и недооценки места и роли государства.

Жёсткие санкции Запада по отношению к России показали, что идеи патриотизма, державности, укрепления армии и военно-промышленного комплекса все больше овладевают массовым сознанием. В глазах миллионов россиян воссоединение Крыма с Россией как раз и подтверждает силу и величие России, ее возрожденную имперскость.

Один из главных уроков, который можно извлечь из исторического опыта России, свидетельствует о том, что проводимые реформы будут иметь успешный результат лишь при наличии сильной государственной власти. По мнению историков, «наиболее высокие темпы экономического роста в нашей стране приходились именно на периоды авторитарного правления, – при Петре I, в период правления Александра III и Николая II, а также в 20–30-е и 50–60-е годы XX века, т.е. в период, традиционно определяемый в литературе как тоталитарный» [1, с. 161].

Российский консерватизм, в отличие от западного, носит государственно-социалистический характер и тесно связан с национал-патриотизмом [2, с. 149]. Необходимо использовать все лучшее из наследия консервативной идеологии: идеи примата духовного над материальным, культура скромности, честного труда, взаимопомощи. Именно эти традиционные ценности составляют фундамент русской культуры.

Включение России в глобальный мир будет способствовать ее прогрессу лишь в том случае, если это будет опираться на устойчивые национальные и духовные основы. Достойный отпор санкциям и вызовам глобализации может быть дан только при сохранении и укреплении собственной цивилизационной идентичности и национальной самобытности государства. Но самым лучшим средством реализации этих задач является конструктивная социально-экономическая политика, уважение к правам и свободам, достоинству человека, компетентность властей и трудолюбие самого народа.

Библиографический список

1. Кузнецов В. Н. Авторитаризм в постсоветской России: предпосылки и следствия // Власть и воздействие на массовое сознание: сб. материалов I Всерос. научн.-практ. конф. – Пенза. – 2005. – С. 159–162.
2. Симаков В. Н. Авторитарные и консервативные тенденции в российском массовом сознании // Традиционное, современное, переходное в российском обществе: сб. статей V Всерос. научн.-практ. конф. – Пенза. – 2007. – С. 147–150.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

А. Е. Сараева

*Студентка,
Научно исследовательский Томский
государственный университет,
г. Томск, Россия*

Summary. This article focuses on the process of globalization in the South Korea. There are historical and political analyses of globalization in the country. The globalization is considered as a cause of a rapid economic growth in the South Korea.

Keywords: globalization; democratization; economy.

Процесс глобализации в Республике Корея начал оформляться с 60х годов XX века. Конец Корейской войны 1953 года ознаменовал острую необходимость проведения реформ в Южной Корее для восстановления истощенной войной экономики. Модернизация экономики в Корее началась при активной финансовой помощи США и ООН. Так США обеспечивало около 70 % южнокорейского импорта, инвестиции из США составляли приблизительно 80 % основного капитала Республики Корея [1, с. 21–33]. Включение при поддержке США южнокорейских компаний в международный рынок позволило создать ряд новых производственных отраслей в стране и существенно поднять уровень ее благосостояния.

Как отмечает Ф. Фукуяма, главный признак глобализации в Республике Корея – это становление демократического общества, основанного на либеральных принципах. Так принятие нового проекта демократической конституции и президентские выборы 1987 в Южной Корее ознаменовали введение подлинно многопартийной демократии в Южной Корее, лидирующей партией которой стала Демократическая партия за воссоединение. Демократизацию в Республике Корея Ф. Фукуяма описывает как одну из побед идеи общечеловеческого государства [2].

Глобализация в Южной Корее также активно проявилась и в экономической сфере государства. Многие эксперты определяют глобализацию для Южной Кореи, как дорогу к экономическому процветанию. Во второй половине XX века, благодаря стремительному экономическому развитию, Южная Корея вошла в четверку так называемых «Новых индустриальных стран первой волны» наряду с такими государствами, как Сингапур, Гонконг и Тайвань. «Четыре азиатских тигра» – эта группа стран, в которых за последние десятилетия XX века произошел огромный скачок социально-экономических показателей. Экономике этих стран за короткий срок совершили полный переход от отсталых к высокоразвитым. Действительно, в период с 1962 по 1988 года Южную Корею охватило, так называемое, «экономическое чудо», что выразилось в высоких темпах роста ВВП 8.6 % [3, с. 289–310].

Экономический подъем в Южной Корее неразрывно связан с ее вовлечением в мировые экономические процессы, с воплощением идей экспортной ориентации экономики, и активного привлечения иностранного капитала. Так иностранная финансовая помощь на период 1961–1965 гг. составляла 38.8 % основного капитала Южной Кореи и являлась существенным дополнительным финансовым источником для создания основных производственных отраслей и поддержания социальной стабильности в стране. На сегодняшний день Республика Корея является активным членом таких организаций, как АТС, ВТО, АСЕАН, АТЭС, МБРР, тем самым имея прямой доступ к управлению мировой экономикой. Тактика экономического развития Южной Кореи получило название «азиатской модели», подразумевающей развитие национальной экономики с преимущественной ориентацией на внешний рынок на базе заимствованных технологий, привлечения иностранного капитала с сильной государственной поддержкой крупных предприятий [4, с. 13–29].

Так, южнокорейские профессора Чва Сен Хи и Ким Ин Гю определяют глобализацию в Республике Корея как «расширение экономической активности за пределы национальных и региональных политических границ посредством перемещения капиталов, товаров и услуг, рабочей силы, технологии и информации». Этот процесс они связывают в первую очередь с развитием информационных технологий и усиления внешнеторговых связей Республики Корея с другими странами. Ученые определяют

глобализацию в стране, как необходимое явление для обеспечения стабильного и устойчивого экономического роста, и что экономическая стратегия Сеула отвечает международным принципам ведения открытой и беспрепятственной торговли. В своих трудах профессора Чва и Ким отмечают, что главным фактором экономического успеха Южной Кореи стала направляемая государством экспорт-ориентированная модель хозяйственного развития [5, с. 136–147]. Главные страны – партнеры южной Кореи второй половины XX века являлись США, Япония и ряд западных стран. Наиболее динамичной и перспективным направлением экспорта стали электронные и электротехнические изделия [6].

Олимпийские игры 1988 года проходившие в Сеуле, ознаменовали положительный результат процесса глобализации для Южной Кореи, а также степень ее открытости перед внешним миром, как в экономическом, так и в культурном плане. Олимпиада послужила первой реальной возможностью иностранных журналистов и обычных граждан познакомиться с жизнью и культурой ранее закрытой страны. Олимпиада в Сеуле обеспечила не только дополнительный скачок экономического роста страны, но также оказала давление на руководство Республики в необходимости проведения новых широкомасштабных демократических реформ в стране. Расширение политической свободы было реализовано в программе первого всенародно избранного президента Республики в 1993 году Ким Ён Сама. Политика нового руководителя получила название «Segyehwa», подразумевающая переход к всеобъемлющей политической, экономической и культурной открытости, где товары и капитал стали играть главную взаимодействующую роль между нациями.

Как отмечает Дж. Тайт, глобализация для южной Кореи оказалась как чудом, так и проклятием. Экономический подъем страны, как следствие глобализации сопровождался и рядом негативных факторов, главное из которых азиатский экономический кризис 1997 года, охвативший такие страны, как Сингапур, Тайвань, Гонконг и Южную Корею. Причиной кризиса стал чрезвычайно быстрый рост экономики «азиатских тигров», что привело к излишнему притоку иностранного капитала в эти страны, росту государственного и корпоративного долга, перегреву экономики, буму на рынке недвижимости, и существенным увеличением числа безработных граждан. Также излишняя открытость рынков стран, привела к незащищенности экономик перед негативными внешними факторами, например изменения процентных ставок МФВ. С началом демократических реформ 1993 года также начало расти напряжение между рабочим классом и руководством чебол – крупных корейских монополий. Экономический кризис в Республике Корея также вызвал резкую критику нового политического курса правительства со стороны граждан страны, и ее превращение в так называемую «Народную Республику бесконечных забастовок» начиная с последнего десятилетия XX века. Стремительное экономическое развитие

Республики подорвало чувство национального единства и компромисса, тогда как каждая социальная группа начала сосредотачиваться на достижении собственных интересов, что и привело к социальной раздробленности и постоянным забастовкам рабочих в стране [7].

Начиная с середины 1990х годов, население Республики Корея стало одним из наиболее подверженных влиянию западной культуры в мире, которая проявлялась в кино, музыке, литературе и т. д. Как отмечает Дж. Тайт, в стране произошло столкновение традиционной конфуцианской и современной западной культуры, пропагандирующее новые принципы личной свободы и толерантности к разным социальным меньшинствам. Смещение международных культурных идеалов и традиционной корейской практики имело как положительные последствия, например мобильность среди молодежи, информационное обновление общества, создание новых современных течений искусства и литературы; так и отрицательные, например, увеличение случаев вандализма, преступности, насилия с применением огнестрельного оружия.

Открытость страны также повлияла на приток иммигрантов с конца 1980х годов. Жители Китая, Бангладеш, Филиппин и Индонезии проживают в Корее в качестве рабочих, также на сегодняшний день там работает и живет большое количество научных специалистов и крупных бизнесменов из Северной Америки и Европы. Многочисленность иммигрантов в стране вызывает споры о вопросах национальной идентичности, а также усиливает конфликты на национальной основе.

Однако, несмотря на противоречия нового политического курса Ким Дэ Чжуна в стране и отказа от руководящей роли государства в экономике, что обеспечивало стабильное экономическое развитие страны вплоть до кризиса 1997 года, Южная Корея на сегодняшний день остается одной из самых развитых стран Юго-Восточной Азии. Экономика Южной Кореи по состоянию на 2009 год является 14-й в мире по валовому внутреннему продукту и 15-й в мире по номинальному ВВП. Не обладая сколько-нибудь значительными природными ресурсами, она производит около 1,5 % ВМП, имея всего лишь 0,8 % мировой численности населения [8, с. 25–28].

По мнению экспертов, сейчас перед правительством Южной Кореи приоритетными остаются стоящие задачи, как выжить и процветать в условиях все более взаимозависимого мира глобализации, как минимизировать опасность уязвимости и зависимости страны от ее открытости мировым процессам, и как использовать процессы глобализации для Республики Корея, как источник знаний, экономического партнера и помощника, а не как непосредственного командира или всего лишь поставщика экономического роста.

Библиографический список

1. Kong T. Y. Labour and Neo-Liberal Globalization in South Korea. – Cambridge university press. – 2005. – 188 p.
2. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек : электрон. версия печат. публ. – URL: http://lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/konec_istorii.txt (дата обновления 15.12.2014).
3. Gills Banny G. and Gills Dong-Sook S. South Korea and Globalization. // Asian Perspective. – 1999. – Vol. 23. – № 4. – p. 289–310
4. Шипаева В. И. Южная Корея в системе мирового капиталистического хозяйства. – Москва: Мир, 1994. –137 с.
5. Воскресенский А.Д. Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений : учебное пособие. – М. : РОССПЭН. – 2002 – С. 136 –147
6. Tait J. Segyehwa: The Globalization of Seoul. URL: <http://www.ucalgary.ca/ev/designresearch/projects/Evds723/seoul.pdf> (дата обновления 15.12.2014)
7. Маслова А. О. Политический портрет президента Южной Кореи Ким Де Чжуна // Некоммерческое партнерство "Научно-Информационное Агентство». – Электрон. версия печат. публ. – 2000. URL: <http://old.nasledie.ru/persstr/persona/maslova/article.php?art=3> (дата обновления 15.12.2014)
8. Korea's Economy in the 20th Century // Korea Focus. – Nov.–Dec. 1999. – p. 25–28.

**План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии,
Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2015 году**

1–2 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе»**
(К-04.01.15)

5–6 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия»**
(К-04.05.15)

7–8 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира»**
(К-04.07.15)

10–11 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке»**
(К-04.10.15)

15–16 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Информационно-коммуникационное пространство и человек»**
(К-04.15.15)

18–19 апреля 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Преимственность уровней образования: содержание, управление, мониторинг»**
(К-04.18.15)

20–21 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук»**
(К-04.20.15)

22–23 апреля 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Социально-культурные институты в современном мире»**
(К-04.22.15)

25–26 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания»**
(К-04.25.15)

28–29 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия»**
(К-04.28.15)

2–3 мая 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования»**
(К-05.02.15)

5–6 мая 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»**
(К-05.05.15)

7–8 мая 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления»**
(К-05.07.15)

10–11 мая 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире»**
(К-05.10.15)

13–14 мая 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы»**
(К-05.13.15)

15–16 мая 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия»**
(К-05.15.15)

20–21 мая 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Текст. Произведение. Читатель»**
(К-05.20.15)

22–23 мая 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Реклама в современном мире: история, теория и практика»**
(К-05.22.15)

25–26 мая 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»**
(К-05.25.15)

1–2 июня 2015 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Социально-экономические проблемы современного общества**»

(К-06.01.15)

10–11 сентября 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция «**Проблемы современного образования**»

(К-09.10.15)

15–16 сентября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция «**Новые подходы в экономике и управлении**»

(К-09.15.15)

20–21 сентября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция «**Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы**»

(К-09.20.15)

25–26 сентября 2015 г.

III международная научно-практическая конференция «**Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения**»

(К-09.25.15)

28–29 сентября 2015 г.

III международная научно-практическая конференция «**Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации**»

(К-09.28.15)

1–2 октября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция «**Иностранный язык в системе среднего и высшего образования**»

(К-10.01.15)

5–6 октября 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция «**Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований**»

(К-10.05.15)

10–11 октября 2015 г.

II международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы связей с общественностью**»

(К-10.10.15)

12–13 октября 2015 г.

Международная научно-практическая конференция «**Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития**»

(К-10.12.15)

13–14 октября 2015 г.

II международная научно-практическая конференция «**Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях**»

(К-10.13.15)

15–16 октября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция «**Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия**»

(К-10.15.15)

20–21 октября 2015 г.

Международная научно-практическая конференция «**Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования**»

(К-10.20.15)

25–26 октября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция «**Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов**»

(К-10.25.15)

1–2 ноября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция «**Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия**»

(К-11.01.15)

3–4 ноября 2015 г.

Международная научно-практическая конференция «**Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования**»

(К-11.03.15)

5–6 ноября 2015 г.

II международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы**»

(К-11.05.15)

15–16 ноября 2015 г.

III международная научно-практическая конференция «**Проблемы развития личности: многообразие подходов**»

(К-11.15.15)

20–21 ноября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция «**Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования**»

(К-11.20.15)

25–26 ноября 2015 г.

IV международная научно-практическая конференция «**История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему**»

(К-11.25.15)

1–2 декабря 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция «**Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях**»
(К-12.01.15)

3–14 декабря 2015 г.

III международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы развития экономики и управления**»
(К-12.03.15)

5–6 декабря 2015 г.

II международная научно-практическая конференция «**Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук**»
(К-12.05.15)

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Kazakhstan, Uzbekistan and the Czech Republic on the basis of Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» in 2015

April, 1–2, 2015.

International scientific conference «**Building a culture of independent thinking in the educational process**»
(К-04.01.15)

April, 5–6, 2015.

V international scientific conference «**Peoples of Eurasia: history, culture and interaction problems**»
(К-04.05.15)

April, 7–8, 2015.

International scientific conference «**Migration policy and socio-demographic development of the world**»
(К-04.07.15)

April, 10–11, 2015.

V international scientific conference «**Problems and prospects of professional education in the 21st century**»
(К-04.10.15)

April, 15–16, 2015.

V international scientific conference «**Informative and communicative space and a person**»
(К-04.15.15)

April, 18–19, 2015.

II international scientific conference «**Continuity of education levels: contents, management, monitoring**»
(К-04.18.15)

April, 20–21, 2015.

International scientific conference «**Human health as an issue of medical and social sciences and humanities**»

(K-04.20.15)

April, 22–23, 2015.

III international scientific conference «**Social and cultural institutions in the modern world**»

(K-04.22.15)

April, 25–26, 2015.

V international scientific conference «**The childhood, adolescence and youth in a context of scientific knowledge**»

(K-04.25.15)

April, 28–29, 2015.

International scientific conference «**Culture, civilization and society: a paradigm of research and trends in interaction**»

(K-04.28.15)

May, 2–3, 2015.

III international scientific conference «**Modern technologies in system of additional and professional education**»

(K-05.02.15)

May, 5–6, 2015.

VI international scientific conference «**The theory and practice of gender researches in world science**»

(K-05.05.15)

May, 7–8, 2015.

international scientific conference «**Sociosphere in the modern world: current problems and aspects of humanitarian comprehension**»

(K-05.07.15)

May, 10–11, 2015.

III international scientific conference «**Risks and safety in rapidly changing world**»

(K-05.10.15)

May, 13–14, 2015.

II international scientific conference «**The culture of tolerance in a context of globalization: methodology of research, reality and prospect**»

(K-05.13.15)

May, 15–16, 2015.

VI international scientific conference «**Psycho-pedagogical problems of a personality and social interaction**»

(K-05.15.15)

May, 20–21, 2015.

III international scientific conference «**Text. Literary work. Reader**»
(K-05.20.15)

May, 22–23, 2015.

II international scientific conference «**Advertizing in the modern world: history, theory and practice**»
(K-05.22.15)

May, 25–26, 2015.

V international scientific conference «**Innovative processes in economic, social and spiritual spheres of life of society**»
(K-05.25.15)

June, 1–2, 2015.

IV international scientific conference «**Social and economic problems of modern society**»
(K-06.01.15)

September, 10–11, 2015.

VI international scientific conference «**Problems of modern education**»
(K-09.10.15)

September, 15–16, 2015.

V international scientific conference «**New approaches in economy and management**»
(K-09.15.15)

September, 20–21, 2015.

V international scientific conference «**Traditional and modern culture: history, actual situation, prospects**»
(K-09.20.15)

September, 25–26, 2015.

III international scientific conference «**Problems of formation of a professional: theoretical analysis principles and practical solutions**»
(K-09.25.15)

September, 28–29, 2015.

III international scientific conference «**Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization**»
(K-09.28.15)

October, 1–2, 2015.

V international scientific conference «**Foreign language in the system of secondary and higher education**»
(K-10.01.15)

October, 5–6, 2015

VI international scientific conference «**Family in a context of pedagogical, psychological and sociological researches**»
(K-10.05.15)

October, 10–11, 2015.

II international scientific conference «**Current issues of public relations**»
(K-10.10.15)

October, 12–13, 2015.

International scientific conference «**Computerisation of higher education:
current situation and development prospects**»
(K-10.12.15)

October, 13–14, 2015.

III international scientific conference «**Purposes, tasks and values of education
in modern conditions**»
(K-10.13.15)

October, 15–16, 2015.

V international scientific conference «**Personality, society, state, law: problems
of correlation and interaction**»
(K-10.15.15)

October, 20–21, 2015.

International scientific conference «**Modern developmental psychology:
main trends and prospects of research**»
(K-10.20.15)

October, 25–26, 2015.

V international scientific conference «**Socio-economic, sociopolitical and sociocultural
development of regions**»
(K-10.25.15)

November, 1–2, 2015.

V international scientific conference «**Religion – science – society: problems
and prospects of interaction**»
(K-11.01.15)

November, 3–4, 2015.

II international scientific conference «**Professionalism of a teacher in the information
society: problems of formation and improvement**»
(K-11.03.15)

November, 5–6, 2015.

III international scientific conference «**Current issues of social researches and social work**»
(K-11.05.15)

November, 15–16, 2015.

III international scientific conference «**Problems of development of a personality**»
(K-11.15.15)

November, 20–21, 2015.

V international scientific conference «**Preparing a competitive specialist as a purpose of modern education**»

(K-11.20.15)

November, 25–26, 2015.

IV international scientific conference «**History, languages and cultures of the Slavic people: from origins to the future**»

(K-11.25.15)

December, 1–2, 2015.

VI international scientific conference «**Practice of communicative behavior in social and humanitarian researches**»

(K-12.01.15)

December, 3–4, 2015.

III international scientific conference «**Problems and prospects of development of economy and management**»

(K-12.03.15)

December, 5–6, 2015.

II international scientific conference «**Safety of a person and society**»

(K-12.05.15)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛАХ «СОЦИОСФЕРА» И «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» (ISSN 2078-7081) публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера», а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука.
- В помощь преподавателю.
- В помощь учителю.
- В помощь соискателю.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – **Б. А. Дорошин**, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов Михаил Александрович, кандидат философских наук, доцент, Ефимова Диана Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Надежда Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Николай, PhD., профессор (экономика – София, Болгария), Берберян Ася Суреновна, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Большакова Алла Юрьевна, доктор филологических наук, (Москва, Россия), Волков Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия), Гончаров Вадим Николаевич, доктор философских наук, доцент (Ставрополь, Россия), Гринин Леонид Ефимович, доктор философских наук, академик РАЕН (Волгоград, Россия), Исламов Захиджан Махмудович, доктор филологических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), Кашпарова Ева, PhD. (социология – Прага, Чехия), Кондрашин Виктор Викторович, доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия), Минияров Валерий Максимович, доктор педагогических наук, профессор (Самара, Россия), Мохначева Марина Петровна, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук, (г. Кызылорда, Казахстан), Сапик Мирослав, PhD., доцент (философия – Колин, Чехия), Сердобинцева Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Пенза, Россия), Танцошова Джудита, PhD. профессор (экономика – Братислава, Словакия), Христова Наталия Цветанова, PhD., профессор (история – София, Болгария), Хрусталькова Наталья Александровна, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия), Цибак Любош, PhD., MBA (экономика – Братислава, Словакия).

Чешский научный журнал «**Paradigmata poznání**» (Парадигмы познания) публикует научные статьи, теоретические обзоры и результаты эмпирических исследований, отзывы на книги, статьи, диссертации, рецензии, отчеты о научных мероприятиях по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на чешском, английском и русском языках. Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (региональное отделение в г. Прага), ему присвоен номер ISSN 2336-2642. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера» <http://sociosfera.com>, на сайте Электронной научной библиотеки по адресу <http://elibrary.ru>, а также на сайте Directory of open access journals по адресу <http://www.doaj.org>.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Теория и анализ.
- Эмпирические и прикладные исследования.
- Обзоры, рецензии и отзывы.
- Научная жизнь.

Периодичность выпуска – 4 номера в год (февраль, май, август, ноябрь).

Главный редактор – Дорошина Илона Геннадьевна,
кандидат психологических наук, доцент,
заместитель главного редактора – **Кушаев Умиджон Рахимович,**
кандидат философских наук.

Редакционная коллегия: Абдуллаев Равшан Вахидович, доктор экономических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), Бойцов Виктор, DrSc., профессор (информационные системы – Рига, Латвия), Вернигора Александр Николаевич, кандидат биологических наук, доцент (Пенза, Россия), Девярых Сергей Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент (Витебск, Беларусь), Замаровский Петер, RNDr. (естественные науки – Прага, Чехия), Ивановска Божена, PhD. (социология – Варшава, Польша), Кашпарова Ева, PhD. (социология – Прага, Чехия), Крейчова Ленка, PhD. (психология – Прага, Чехия), Кобец Петр Николаевич, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия), Коротаев Андрей Витальевич, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), Кэмп Марианне, PhD., доцент, (история – Вайоминг, США), Лидяк Ян, PhD., профессор (международные отношения – Колин, Чехия), Митюков Николай Витальевич, доктор технических наук, профессор (Ижевск, Россия), Сапик Мирослав, PhD., доцент (философия – Колин, Чехия), Сигмунд Томаш, PhD. (философия – Прага, Чехия), Сзуппе Мария, PhD. (история – Иври-сюр-Сен, Франция), Срб Владимир, PhD., (политология – Колин, Чехия), Танцошова Джудита, PhD., профессор (экономика – Братислава, Словакия), Хаджкова Ванда, DrPaed., доцент (педагогика – Прага, Чехия), Хайруллина Нурсафа Гафуровна, доктор социологических наук, профессор (Тюмень, Россия).

Требования к оформлению материалов, отправляемых в журналы «Социосфера» и «Paradigmata poznání»

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphere@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jscc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210 x 297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название жирным шрифтом, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 4–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации.

Имя файла, отправляемого по e-mail,

для журнала «Социосфера»

соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или

German P. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

для журнала «Paradigmata poznání» файл со статьей – **PP-Петров ИВ** или **PP-German P**, квитанция – **PP-Петров ИВ квитанция** или **PP-German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы.

Стоимость публикации в журналах составляет 250 рублей за 1 страницу. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 250 рублей за один экземпляр.

INFORMATION ABOUT THE JOURNALS «SOCIOSPHERE» AND «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes scientific articles and methodological books for lessons and complementary activities at social-humanitarian disciplines for professional and comprehensive schools. Themes of journal cover a wide range of problems. Materials about philosophy, sociology, history, culturology, study of art, philology, psychology, pedagogy, law, economics and other social-humanitarian areas are accepted.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» <http://sociosphaera.com> and on the website of Electronic research library at <http://elibrary.ru> and also on the website of Directory of open access journals at <http://www.doaj.org>.

The content of journal has following parts:

- Science
- In help to professors
- In help to teachers
- In help to doctoral candidates.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (March, June, September, December).

Editor-in-Chief– Boris Doroshin,
candidate of historical sciences, assistant professor

Editorial board

Iлона G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor (responsible for release), Michail A. Antipov, candidate of philosophical sciences, assistant professor, Diana V. Efimova, candidate of psychological sciences, assistant professor, Nadezhda V. Saratovceva, candidate of pedagogical sciences, assistant professor.

The international editorial council

Nikolay Arabadzhiiski, Ph.D, professor (Economics – Sofia, Bulgaria), Alla Yu. Bolshakova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia), Asya S. Berberyan, Doctor of Psychological Sciences, professor (Erevan, Armenia), Sergey N. Volkov, Doctor of Philosophy, professor (Penza, Russia), Vadim N. Goncharov, Doctor of Philosophy, assistant professor (Stavropol, Russia), Leonid E. Grinin, Doctor of Philosophy, academician of RANS (Volgograd, Russia), Zahidzhan M. Islamov, Doctor of Philological Sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan), Eva Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic), Natalia Ts. Khristova, Ph.D, professor (History – Sofia, Bulgaria), Viktor V. Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, professor (Penza, Russia), Valeriy M. Miniyarov, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Samara, Russia), Marina P. Mokhnacheva, Doctor of Historical Sciences, professor (Moscow, Russia), Murat O. Nasimov, Candidate of Political Sciences (Ky-

zylorda, Kazakhstan), Miroslav Sapik, Ph.D, assistant professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic), Elena N. Serdobintseva, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia), Judita Tancoshova, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia), Natalia A. Hrusalkova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Penza, Russia), Lubosh Cibak, Ph.D, MBA (Economics – Bratislava, Slovakia).

Czech science journal «**Paradigmata poznání**» (ISSN 2336-2642) publishes research papers, theoretical surveys and results of empirical studies, reviews for books, articles, dissertations, reviews, reports about scientific events at social-humanitarian, technical and natural-scientific disciplines. Themes of journal cover a wide range of problems.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» <http://sociosphaera.com> and on the website of Electronic research library at <http://elibrary.ru> and also on the website of Directory of open access journals at <http://www.doaj.org>.

The content of journal has following parts:

1. Theory and analyses.
2. Empirical and applied studies.
3. Surveys, reviews and comments.
4. Science life.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (February, May, August, November).

Editor-in-Chief – Ilona G. Doroshina,

candidate of psychological sciences, assistant professor

Deputy Editor-in-Chief – Umidjon R. Kushaev, Ph.D. (philosophy),

International editorial board

Ravshan V. Abdullayev, doctor of economic sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan), Victor Boicov, DrSc., professor (Information Systems – Riga, Latvia), Aleksandr N. Vernigora, candidate of biological sciences, assistant professor (Penza, Russia), Sergey Yu. Devyatych, candidate of psychological sciences, assistant professor (Vitebsk, Belarus), Bozhena Ivanovska, Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland), Vanda Hajkova, DrPaed., associate professor (Education – Prague, Czech Republic), Eva Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic), Nursafa G. Khayrulina, doctor of sociological sciences, professor (Tyumen, Russia), Lenka Krejcova, Ph.D. (Psychology – Prague, Czech Republic), Petr N. Kobets, doctor of law, professor (Moscow, Russia), Andrey V. Korotayev, doctor of history, professor (Moscow, Russia), Marianne Kamp, Ph.D, associate professor (History – Wyoming, USA), Jan Lidiyak, Ph.D. professor (Political science – Colin, Czech Republic), Nikolay V. Mityukov, doctor of technical sciences, professor (Izhevsk, Russia), Miroslav Sapik, Ph.D. associate professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic), Tomash Sigmund, Ph.D. (Philosophy – Prague, Czech Republic), Mariya Szuppe, Ph.D. (History – Ivry-sur-Seine, France), Vladimir Srb, Ph.D. (Political Sciences – Colin, Czech Republic), Judita Tancoshova, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia), Peter Zamarovsky, RNDr. (Nature Sciences – Prague, Czech Republic).

Guidelines for publications sent to the journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání»

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosphere@yandex.ru or sociosfera@seznam.cz. Each article should have a UDC. Page format: A4 (210x297mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (3–4 sentences) and a list of key words in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–25 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume.

The name of the file

for the journal «Sociosphere» – family name and initials of the first author, for example: **German P**. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example **German P receipt**.

for the journal «Paradigmata poznání» – the file with an article – **PP-German P**, the payment confirmation – **PP-German P receipt**.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

Образец оформления статьи для журналов
«Социосфера» и «Paradigmata poznání»

Sample of articles for journals
«Sociosphere» and «Paradigmata poznání»

УДК 94(470)»17/18»

Культура г. Семиреченска в XIX веке

И. И. Иванов, кандидат исторических наук, доцент,

В. В. Петров, аспирант

Семиреченский институт экономики и права,

г. Семиреченск, N-ский край, Россия

Culture in Semirechensk in the XIX century

I. I. Ivanov, candidate of historical sciences, assistant professor;

V. V. Petrov, postgraduate student

Semirechensk Institute of Economics and Law,

Semirechensk, N-sk region, Russia

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Keywords: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется

актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них публикаций по данной проблематике. Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М. : Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki> (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб. : Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York. : H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати?

Да/нет (оставить нужное)

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items)..

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Russian-Armenian (Slavic) State University
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences

CURRENT ISSUES OF MODERN SOCIO-POLITICAL PHENOMENA: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL AND APPLIED ASPECTS

Materials of the III international scientific conference
on March 13–14, 2015

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Signed in print 20.03.2015. 60x84/16 format.
Writing white paper. Publisher's sheets 5.34.
100 copies.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz